

№ 1878
397

УЧИТЪ

— УЧАЩИМСЯ —
ПОСОБІЕ ДЛЯ СОЧИНЕНИЙ

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

БІОГРАФІЯ И РАЗБОРЪ ЕГО ГЛАВНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.

Цѣна 40 коп.

1828

ИЗДАНІЕ
Книжныхъ магазиновъ Ив. Загряжскаго
въ с.-петербургъ.

1906

Л. Н. Толстой.

БИОГРАФІЯ И РАЗБОРЪ ЕГО ГЛАВНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

СОСТАВИЛИ

Н. И. Дюнѣкинъ и А. И. Новиковъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Владимира Рябова.

ИЗДАНІЕ

Книжныхъ магазиновъ Ив. ЗАГРЯЖСКАГО.

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Типографія В. Безобразовъ и Ко. В. О., Большой пр., 61.

ОТЪ АВТОРОВЪ.

Предлагая учащимся настоящее пособіе, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ руководящихъ положеніяхъ, которые создали необходимость появленія въ свѣтѣ цѣлаго ряда пособій по русской литературѣ.

Хотя въ настоящее время и существуетъ достаточное количество пособій къ изученію литературы, тѣмъ не менѣе среди учащейся молодежи явно обнаруживается недостатокъ въ такихъ пособіяхъ, благодаря которымъ каждый, ознакомившись съ необходимымъ и готовымъ материаломъ, могъ бы приступить къ разработкѣ известной темы и имѣть ясное представлениe объ изучаемомъ произведеніи известнаго писателя. Принимая во вниманіе сказанное, мы и предлагаемъ составленную нами цѣлую серію пособій. Каждое изъ упомянутыхъ составлено по трудамъ лучшихъ русскихъ критиковъ и историковъ литературы—Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, Ап. Григорьева, Страхова, Пыпина, Михайловскаго, Скабичевскаго, Овсянникова-Куликовскаго, Венгерова, Котляревскаго, Андреевича, и мн. друг.—и содержитъ біографію и разборъ произведеній того или другого писателя.

Н. И. Дюнькинъ и А. И. Новиковъ.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Привѣтствуя появленіе новыхъ пособій къ изученію русской литературы, слѣдуетъ сказать, что каждое изъ нихъ представляетъ разборъ произведеній извѣстнаго писателя и въ каждомъ практическіи изложено все необходимое для того, чтобы учащіеся могли совершенно самостоятельно, не встрѣчая затрудненій, приступить къ изученію произведеній избраннаго ими писателя. Разборъ всѣхъ главныхъ произведеній русскихъ классиковъ точенъ со взглядами многихъ критиковъ и при составленіи, какъ видно, было обращено вниманіе на доступность изложенія. Если кому-либо покажется, что въ томъ или другомъ пособіи нѣтъ полнаго единства, что есть много вопросовъ, на которые не дается вполнѣ законченныхъ отвѣтовъ, то скажу, что для того, кто находится въ преддверіи изученія извѣстнаго писателя, необходимо прежде всего познакомиться съ содержаніемъ его произведеній, а затѣмъ съ критическими отзывами и разборомъ ихъ. Отдавая скромную дань составителямъ, надо надѣяться на возбужденіе интереса учащихся къ доступнымъ пособіямъ.

B. A. Рябоевъ.

БІОГРАФІЯ.

Левъ Николаевичъ Толстой родился 28-го августа 1828 года, въ имѣніи Ясная Поляна, Крапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи. По рожденію своему онъ принадлежитъ къ старинному дворянскому роду. Отецъ его, графъ Николай Ильичъ, красивый офицеръ, чтобы поправить свое разстроенное кутежами состояніе, женился на немолодой и некрасивой, но богатой княжнѣ Марьѣ Николаевнѣ Волконской. Отъ этого брака у нихъ родились три сына—Николай, Левъ, Дмитрій и дочь—Марія. Левъ Николаевичъ потерялъ свою мать будучи трехъ лѣтъ отъ роду. Послѣ смерти графини Толстой воспитаніемъ ея дѣтей занялись Т. А. Ергольская, ихъ дальняя родственница и графиня А. И. Остенъ-Сакенъ, ихъ тетка по отцу. Въ 1837 году, когда Толстому было девять лѣтъ, семья переѣхала въ Москву, такъ какъ старшему брату Льва Николаевича — Николаю нужно было готовиться въ университетъ. Но лѣтомъ того же года внезапно умеръ его отецъ, оставивъ дѣтямъ въ наслѣдство очень разстроенное состояніе. Для сокращенія расходовъ Т. А. Ергольская переселилась со Львомъ, Дмитріемъ и Маріей Толстыми въ Ясную Поляну, а братъ Николай, посѣщавшій Московскій Университетъ, остался у своей тетки графини А. И. Остенъ-Сакенъ. Въ деревню къ дѣтямъ наняты были учителя—русскіе семинаристы и нѣмецъ, который подъ

именемъ Карла Ивановича достигъ бессмертія въ „Отрочествѣ“. Въ дѣтствѣ Левъ Николаевичъ отличался шаловливостью, а въ отрочество оригинальностью поступковъ. Такъ, напримѣръ, извѣстенъ случай, разсказанный самимъ писателемъ одному изъ своихъ друзей, Берсу: въ дѣтствѣ, лѣтъ семи или восьми, Толстой возымѣлъ страстное желаніе полетать по воздуху. Вообразивъ, что это очень легко, если только сѣсть на корточки и обнять руками свои колѣни, онъ тотчасъ же привелъ въ исполненіе задуманное. Въ резулѣтатѣ онъ упалъ съ высоты около двухъ саженей и сильно расшибся.

Черезъ три года послѣ смерти отца, въ 1840 году, умираетъ графиня А. И. Остенъ-Сакенъ, и опека переходитъ къ ихъ теткѣ, Пелагеѣ Ильиничнѣ Юшковой, которая жила въ то время въ Казани. Съ переѣздомъ въ Казань кончилось дѣтство Льва Николаевича и началось отрочество.

Къ нему былъ нанять французъ-губернеръ, котораго онъ вывелъ впослѣдствіи въ своихъ произведеніяхъ подъ псевдонимомъ Жерома. Этотъ Жеромъ и подготовилъ Толстого въ университетъ.

Въ 1843 году Левъ Николаевичъ поступилъ въ Казанскій Университетъ, на филологическій факультетъ; на этомъ факультетѣ онъ пробылъ всего одинъ годъ, такъ какъ при переводѣ съ первого курса на второй срѣзался на экзаменахъ по русской исторіи и немецкому языку, хотя и былъ знакомъ съ немецкимъ языкомъ лучше всѣхъ однокурсниковъ. Провалившись на экзаменахъ филологического факультета, Левъ Николаевичъ въ 1844 году перешелъ на юридическій факультетъ. Занятія въ университетѣ не особенно привлекали Толстого. Вмѣсто занятій науками студенты проводили время въ попойкахъ, кутежахъ, разныхъ шалостяхъ. Строгости университетскаго началь-

ства были безсильны бороться съ этимъ „ничегонедѣланіемъ“.

Толстой въ тѣ времена не обладалъ способностью останавливаться на какомъ-нибудь предметѣ, онъ увлекался то однимъ, то другимъ и потому учился очень неудачно. На юридическомъ факультетѣ онъ заинтересовался на недолгій срокъ лекціями профессора Мейера по государственному праву и даже началъ какую-то работу, которая осталась неоконченной. На юридическомъ факультете Толстой пробылъ два года. Въ 1848 году онъ держалъ экзаменъ на кандидата въ петербургскомъ университѣтѣ. Въ своей статьѣ „Воспитаніе и образованіе“ говоритъ онъ объ этомъ экзаменѣ слѣдующіе: „Буквально ничего не зналъ и буквально началъ готовиться за недѣлю до экзамена. Я не спалъ ночи и получилъ кандидатскіе баллы изъ гражданскаго и уголовнаго права, готовясь изъ каждого предмета не болѣе недѣли“. Сдавши экзаменъ, Толстой уѣхалъ въ Ясную Поляну. Причины этого отѣзда Толстой достаточно ясно изложилъ въ своемъ очеркѣ: „Утро помѣщика“. „Я выхожу изъ университета, — писалъ онъ, — чтобы посвятить себя жизни въ деревнѣ, потому что чувствую, что рожденъ для нея. Главное зло заключается въ самомъ бѣдственномъ, жалкомъ положеніи мужиковъ, и зло такое, которое можно исправить только трудомъ и терпѣньемъ. Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастьѣ этихъ семисотъ человѣкъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣтить Богу? Не грѣхъ ли покидать ихъ на произволъ грубыхъ старость и управляющихъ изъ-за плановъ наслажденія и честолюбія? И зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ и дѣлать добро, когда мнѣ открывается блестящая и ближайшая обязанность. Я пошелъ по совершенно особой дорогѣ, но которая хороша, и я чувствую, приведетъ меня къ счастью“.

Стремленија, побудившія Льва Николаевича посе-
литься въ деревнѣ совершенно противоположны его
прежнимъ понятіямъ о комильфотности. Эту внезап-
ную и рѣзкую перемѣну въ Львѣ Толстомъ намъ до-
статочно понятно разъясняетъ Соловьевъ: „Въ періодъ
увлеченія comme il faut'ностью,—говорить онъ,—онъ
(Толстой) прямо презиралъ народъ и мужика. Но
къ этому скверному чувству уже и тогда примѣши-
вался другой оттѣнокъ, робкій, но все же замѣтный,
какъ замѣтенъ слабый зеленый ростокъ побѣга на чер-
ной землѣ... Что простой народъ не существовалъ для
него, это съ точки зрѣнія дрождей старого барства
было понятно но не менѣе понятно и это безсознатель-
ное сильное смущеніечестной и правдивой натуры, чест-
ность и правдивость которой были завалены кучей му-
сора. Первой ступенью было признаніе мужика человѣ-
комъ, въ отношеніи котораго у всякаго есть свои обя-
занности. Это не много, но что дѣлать съ жизнью, гдѣ
за усвоеніемъ такого элементарнаго правила прихо-
дится обращаться къ „западной просвѣтительной ли-
тературѣ“.

Въ отрывкѣ „Утро помѣщика“ Толстой изобразилъ
свою жизнь въ деревнѣ, гдѣ, къ сожалѣнію, ему недолго
пришлось оставаться; его мечты помочь народу, улуч-
шить его положеніе, потерпѣли неудачу. Слѣдующіе за
этимъ годы онъ провелъ частью въ Петербургѣ, частью
въ Москвѣ.

Скоро, однако, Толстому надоѣла жизнь въ столи-
цахъ; ему захотѣлось перемѣны мѣста, и онъ поѣхалъ
къ своему любимому брату Николаю, который слу-
жилъ на Кавказѣ. Сначала онъ не хотѣлъ поступать
на службу, проводилъ время за чтеніемъ, а главнымъ
образомъ увлекался охотой. Какъ-то случайно онъ
встрѣчается здѣсь съ однимъ изъ своихъ родствен-
никовъ, занимавшимъ важное мѣсто, и по его совѣту

опредѣляется юнкеромъ въ артиллерію. Кавказская жизнь Толстого полна разныхъ эпизодовъ, которые онъ описываетъ въ рассказахъ „Набѣгъ“, „Рубка лѣса“ и пр. Здѣсь онъ написалъ свою трилогію „Дѣтство“, „Отрочество“ и „Юность“, которая сразу поставила его въ рядъ видныхъ русскихъ писателей.

„Какимъ путемъ Толстой открылъ въ себѣ литературный талантъ,—говорить Соловьевъ,—неизвѣстно. Быть можетъ, что виноватъ въ этомъ былъ его старшій братъ, неравнодушный къ литературѣ; очень можетъ быть и то, что творческія стремленія искали себѣ выхода и выраженія. Въ Ясной Полянѣ эти стремленія тратились на музыку, которой Толстой предавался со страстью; но заниматься музыкой въ лагерь или крѣпости было невозможно. Первымъ (1852) было написано „Дѣтство“, за которымъ немедленно же послѣдовали „Утро помѣщика“, „Случай“, „Отрочество“, составленъ былъ планъ „Казаковъ“, задумана „Юность“.

Девятаго іюля 1852 года „Дѣтство“ было закончено и отправлено въ „Современникъ“, редакторомъ кото-раго въ то время состоялъ Некрасовъ. Послѣдній сей-часъ же замѣтилъ въ ней слѣды сильнаго таланта и поторопился ее напечатать. Этотъ моментъ можно считать началомъ литературной дѣятельности Толстого.

Въ это время началась восточная война, и Льва Николаевича перевели въ Дунайскую армію, въ штабъ князя Горчакова, а затѣмъ—въ Севастополь. Передъ отѣзdomъ въ армію, Толстой, взявъ отпускъ, поѣхалъ прощаться въ Ясную Поляну, гдѣ его ждали не только тетка, но и братья съ ихъ общимъ другомъ Перфильевымъ.

Во время этой войны Левъ Николаевичъ прини-
малъ участіе въ сраженіяхъ на Черной рѣчкѣ и при
общемъ штурмѣ Севастополя 27-го августа.

Между своими товарищами Толстой пользовался большой любовью, такъ какъ въ самыя трудныя минуты боевой жизни умѣлъ ихъ развеселить своими рассказами и остротами. „Своими рассказами и быстрой импровизацией стиховъ,—рассказываетъ одинъ изъ товарищѣй,—графъ воодушевлялъ всѣхъ и заставлялъ забывать тяжелыя минуты войны. Онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, душой всей нашей батареи. Когда онъ находился среди насть, то мы вовсе не замѣчали, какъ проходило время; въ его же отсутствіе (что случалось часто, потому что онъ охотно дѣлалъ небольшія прогулки въ Симферополь) товарищи обыкновенно вѣшали носы отъ скуки. Наконецъ, онъ возвращался, совсѣмъ какъ заблудшій сынъ—угрюмый и худой, недовольный цѣлымъ свѣтомъ. Тогда онъ отводилъ меня въ сторону — и начиналась генеральная исповѣдь. Онъ имѣлъ обыкновеніе рассказывать все: сколько онъ проигралъ, сколько выпилъ, гдѣ проводилъ дни и, конечно, ночи и т. д. Онъ жаловался и страдалъ отъ укоровъ совѣсти, будто, Богъ вѣсть, какія совершилъ преступленія. Понятно бѣдному малому нужно было оказать участіе, вѣдь это былъ такой человѣкъ! Однимъ словомъ—рѣдкій человѣкъ! Откровенно говоря, я не совсѣмъ понималъ его. Во всякомъ случаѣ, это былъ превосходный товарищъ, честная душа и золотое сердце. Кому случалось сойтись съ нимъ близко, тотъ не могъ не полюбить его и, навѣрное, никогда не забудетъ“.

Во время осады Севастополя Левъ Николаевичъ былъ на 4-омъ бастіонѣ, на одномъ изъ самыхъ опасныхъ мѣстъ. Здѣсь, несмотря на всѣ неудобства, онъ написалъ свой первый военный крымскій разсказъ „Севастополь въ декабрѣ“. Вся Россія, зорко слѣдившая за войной, зачитывалась этимъ разсказомъ. Императоръ также заинтересовался Толстымъ и для того, чтобы

сохранить его жизнь, приказалъ его перевести съ 4-го бастіона на болѣе безопасное мѣсто. Толстой былъ назначенъ командиромъ горной батареи; здѣсь онъ написалъ два рассказа „Севастополь въ маѣ“ и „Рубка лѣса“. Послѣ разрушенія Севастополя Толстому было поручено ѻхать въ столицу подавать рапортъ императору Николаю Павловичу. По окончаніи войны въ 1855 г. Левъ Николаевичъ вышелъ въ отставку.

По прїездѣ въ Петербургъ передъ Толстымъ открылись двери самыхъ аристократическихъ домовъ. Его приглашали на обѣды, вечера, жали ему руки, считали за честь знакомство съ нимъ и т. п. Въ это время онъ познакомился съ современными литературными знаменитостями — Тургеневымъ, Островскимъ, Дружининымъ, Гончаровымъ и даже подружился съ нѣкоторыми изъ нихъ; они хвалили его произведенія и приняли его, какъ одного изъ своихъ товарищей.

Въ тѣ времена занятія литературой были въ большомъ почетѣ, писателямъ оказывали уваженіе, всѣ говорили о прогрессѣ, о просвѣщеніи. Толстой тоже увлекся этимъ. Въ своей „Исповѣди“ онъ говоритъ обѣ этомъ такъ: „Мы всѣ тогда были убѣждены, что намъ нужно говорить и говорить, писать, печатать, какъ можно скорѣе, какъ можно больше, что все это нужно для блага человѣчества. И тысячи наасъ, отрицая, ругая одинъ другого, всѣ печатали, писали, получая другихъ. И не замѣчая того, что мы ничего не знаемъ, что на самый простой вопросъ жизни: что хорошо, что дурно—мы не знаемъ, что отвѣтить,—мы всѣ, не слушая другъ друга, всѣ въ разъ говорили, иногда потакая другъ другу и восхваляя другъ друга съ тѣмъ, чтобы и мнѣ потакали и меня хвалили, иногда же раздражаясь другъ противъ друга, точно такъ, какъ въ сумасшедшемъ домѣ.“

„Тысячи работниковъ дни и ночи изъ послѣднихъ силъ работали, набирали, печатали миллионы словъ, и почта развозила ихъ по всей Россіи, и мы все еще больше учили и никакъ не успѣвали всему научить, и все сердились, что насъ мало слушаютъ.

„Ужасно странно, но теперь мнѣ понятно. Настоящимъ, задушевнымъ разсужденiemъ нашимъ было то, что мы хотимъ какъ можно больше получать денегъ и похвалъ. Для достижения этой цѣли мы ничего другого не умѣли дѣлать, какъ только писать книжки и газеты. Мы это и дѣлали. Но для того, чтобы намъ дѣлать столь безполезное дѣло и имѣть увѣренность, что мы—очень важные люди, намъ надо было еще разсужденie, которое бы оправдало нашу дѣятельность. И вотъ у насъ придумано слѣдующее: все что существуетъ, то разумно. Все же, что существуетъ, то развивается. Развивается все посредствомъ просвѣщенія. Просвѣщеніе же измѣряется распространеніемъ книгъ, газетъ. А намъ платятъ деньги и насъ уважаютъ за то, что мы пишемъ книги и газеты, и потому мы самые полезные и хорошиe люди“.

Но скоро Толстой разочаровался въ этомъ. „Литература, говоритъ онъ, такъ же, какъ и откупа, есть только искусственная эксплоатация, выгодная для ея участниковъ и негодная для народа. Есть „Современникъ“, есть „Современное слово“, есть „Современная лѣтопись“, есть „Русское слово“, „Русский Миръ“, „Русский Вѣстникъ“, есть „Время“, есть „Наше Время“, есть „Орелъ“, „Звѣздочка“, „Гирлянда“, есть „Грамотей“, „Народное чтеніе“ и „Чтеніе для народа“, есть извѣстныя слова въ извѣстныхъ сочетаніяхъ и перемѣщеніяхъ, какъ заглавіе журналовъ и газетъ, и всѣ эти журналы твердо вѣрятъ, что они проводятъ какія-то мысли и направленія. Есть сочиненія Пушкина, Гоголя, Тургенева, Державина. И всѣ эти журналы

и сочиненія, несмотря на давность существованія, неизвѣстны, не нужны для народа и не приносятъ ему никакой выгоды. Я говорилъ уже объ опытахъ, дѣлаемыхъ мною для привитія нашей общественной литературы народу. Я убѣдился, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый, что для того, чтобы человѣку изъ русскаго народа любить чтеніе „Бориса Годунова“ Пушкина или исторію Соловьева, надобно этому человѣку перестать быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, т. е. человѣкомъ независимымъ, удовлетворяющимъ всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ. Наша литература не прививается и не привьется народу; надѣюсь—люди, знающіе народъ и литературу, не усомнятся въ этомъ. Какое же благо получаетъ народъ отъ литературы? Библій и святцевъ до сихъ поръ народъ не имѣетъ дешевыхъ. Другія же книги, которыя западаютъ къ нему, только обличаютъ въ его глазахъ глупость и ничтожество ихъ составителей; деньги и работа его тратятся, а выгоды отъ книгопечатанія,—вотъ уже сколько времени прошло,—мы не видимъ ни малѣйшей для народа. Ни пахать, ни дѣлать квасъ, ни плести лапти, ни рубить срубы, ни пѣть пѣсни, ни даже молиться не учится и не научится народъ изъ книгъ. Всякій добросовѣстный судья, не одержимый вѣрою прогресса, признается, что выгодъ книгопечатанія для народа не было“...

Въ 1856-омъ году вышли въ свѣтъ двѣ повѣсти „Записки маркера“, и „Два гусара“, а въ 1857 году Толстой поѣхалъ за границу, гдѣ его вѣра въ прогрессъ значительно поколебалась. Онъ видѣлъ, на ряду съ безумной роскошью, мотовствомъ богатой буржуазіи и аристократіи—нищету, необразованность пролетариата. Огромное впечатлѣніе на него произвѣлъ случай въ Люцернѣ. Передъ одной изъ самыхъ роскошныхъ гостиницъ Люцерна около получаса игралъ на

гитаръ и пѣлъ нищій итальянецъ. Вокругъ него сбрасывалась масса народу; когда же онъ кончилъ пѣть и попросилъ у слушателей денегъ, то въ отвѣтъ ему раздался только смѣхъ. „Вотъ событіе,—говоритъ Толстой,—которое историки нашего времени должны записать огненными и неизгладимыми буквами. Это событіе значительное и серьезное и имѣетъ глубочайшій смыслъ, чѣмъ факты, записываемые въ газетахъ и исторіяхъ. Что англичане убили еще тысячу китайцевъ за то, что китайцы ничего не покупаютъ на деньги, а ихъ край поглощаетъ звонкую монету; что французы убили еще тысячу кабиловъ за то, что хлѣбъ хорошо родился въ Африкѣ и...—все это слова, скрывающія или показывающія давно извѣстное; но событіе, происшедшее въ Люцернѣ 7-го іюля, мнѣ кажется, совершенно ново, странно и относится не къ вѣчнымъ дурнымъ сторонамъ человѣческой породы, не къ извѣстной эпохѣ развитія общества. Это фактъ не для исторіи дѣяній людскихъ, но для исторіи прогресса и цивилизациіи.

Отчего этотъ безчеловѣчный фактъ, невозможный ни въ какой деревнѣ, нѣмецкой, французской или итальянской, возможенъ здѣсь, гдѣ цивилизація, свобода и равенство доведены до высшей степени, гдѣ собираются путешествующіе, самые цивилизованные люди самыхъ цивилизованныхъ націй! Отчего эти развитые, гуманные люди, способные въ общемъ на всякое честное, гуманное дѣло, не имѣютъ человѣческаго сердечнаго чувства на личное доброе дѣло? Отчего эти люди, въ своихъ палатахъ, митингахъ и обществахъ горячо заботящіеся о состояніи безбрачныхъ китайцевъ въ Индіи, о распространеніи христіанства и образованія въ Африкѣ, о составленіи обществъ исправленія всего человѣчества, не находятъ въ душѣ своей простого, первобытнаго чувства человѣка къ человѣку?

Неужели нѣтъ этого чувства, и мѣсто его заняли тщеславіе и корысть, руководящія этихъ людей въ ихъ палатахъ, митингахъ и обществахъ? Неужели распространеніе разумной себялюбивой ассоціаціи людей, которую называютъ цивилизаціей, уничтожаетъ и противорѣчить потребности инстинктивной и любовной ассоціаціи? И неужели это то равенство, за которое пролито было столько невинной крови и столько совершено преступлений? Неужели народы, какъ дѣти, могутъ быть счастливы однимъ звукомъ слова равенство?“

Разочаровавшись въ значеніи прогресса, Толстой поселился въ Ясной Полянѣ, занялся самосовершенствованіемъ, велъ жизнь барина, гуманно относяща-гося къ крестьянамъ. Въ это время онъ написалъ слѣдующія произведенія: въ 1856 г. маленький раз-сказъ „Мятель“, въ 1857 году „Альбертъ“, въ 1859 году разсказъ „Три смерти“ и романъ „Семейное сча-стье“, въ 1860 году повѣсть изъ народнаго быта „Поликушка“, въ 1861 году разсказъ „Холстомъръ“.

Несмотря на то, что въ Ясной Полянѣ Толстой старался не имѣть связи съ обществомъ, онъ все-таки поддавался вліянію новыхъ вѣяній. Въ тѣ времена стало моднымъ ходить въ народъ, сближаться съ нимъ, учить его. Левъ Николаевичъ тоже увлекся школьнымъ вопросомъ; онъ ъздилъ за границу, чтобы ближе познакомиться съ тамошней постановкой школьнаго дѣла. Возвратившись изъ-за границы, Толстой занялъ мѣсто посредника и совсѣмъ отдался какъ своей новой обязанности, такъ и школѣ, которую онъ устроилъ у себя въ Ясной Полянѣ. Въ это же время онъ издавалъ свой педагогическій журналъ „Ясная Поляна“, гдѣ помѣщалъ, между прочимъ, разсказы, записанные со словъ дѣтей или созданные для ребятъ имъ самимъ.

Про Яснополянскую школу Соловьевъ говоритъ

следующее: „Это была первая, вполнѣ свободная школа. Ученики приходили и уходили когда хотѣли, дѣлали, что имъ угодно, учились только тѣмъ предметамъ и въ томъ видѣ, въ какомъ они имъ нравились, безъ всякаго принужденія, безъ малѣйшей дисциплины кромѣ той, которую они вводили сами. Разсаживались не по стрункѣ за партами, а размѣщались, гдѣ кому было удобнѣе: одни лежали на животѣ, другіе разваливались на креслѣ, третьи скучивались гдѣ-нибудь въ уголкѣ или у окошка. Никакихъ принужденій, никакихъ приказаний не допускалось. Задача учителя заключалась въ томъ, чтобы интересомъ самого преподаванія умѣть овладѣть вниманіемъ учениковъ и заставить ихъ водворить порядокъ. И вотъ въ этой свободной республикѣ преподаваніе шло крайне успѣшно, и ученики научились любить школу и ученье, благодаря тому, что всѣ учителя были проникнуты истиной, не разъ высказываемой Львомъ Николаевичемъ: „всякое принужденіе вредно и указываетъ на недостатокъ самого метода преподаванія. Чѣмъ меныше съ принужденіемъ учатся дѣти, тѣмъ методъ лучше; чѣмъ съ большимъ, тѣмъ хуже. Учителя, и во главѣ ихъ Левъ Николаевичъ, старались выработать самый лучшій методъ при наибольшей свободѣ учениковъ“.

Эти школы стали быстро размножаться. Въ 1863 году ихъ было около двѣнадцати. Такое быстрое размноженіе и оригинальные занятія въ этихъ школахъ не замедлили обратить на себя вниманіе правительства. Министръ внутреннихъ дѣлъ указывалъ министру народного просвѣщенія на вредное направленіе журнала „Ясная Поляна“ и школы, но послѣдній никакого вреднаго направленія въ нихъ не нашелъ.

Въ 1862 году Левъ Николаевичъ женился на дочери доктора Софьѣ Андреевнѣ Берсѣ, и съ этого времени живетъ или въ деревнѣ или въ Москвѣ. Въ

первые годы своей женитьбы онъ забылъ о своемъ стремлениі къ совершенствованію и заботился только о томъ, чтобы ему съ семьей жилось какъ можно лучше. Въ это время онъ задумалъ написать романъ „Декабристы“, но написалъ только нѣсколько главъ. Въ эти годы Толстой написалъ два самыхъ лучшихъ своихъ произведенія: „Война и Миръ“ и „Анна Каренина“. Но въ то время какъ художественное творчество Толстого достигло наибольшаго развитія, въ немъ совершился переворотъ. „Процессъ, который привелъ его къ этому перевороту,—говоритъ Корадко—начался давно. Явные его зачатки можно видѣть уже въ „Люцернѣ“, даже раньше—въ „Дѣтствѣ, Отрочествѣ и Юности“. Развитіе этого процесса изображено въ художественной формѣ въ душевной драмѣ Левина. Суть этого процесса сводится къ развивающемуся недовѣрію къ прогрессу, къ совершенствованію общества и возникающему отсюда стремленію работать надъ совершенствованіемъ личности и надъ религіозными вопросами. Религія и данные самой личности, къ которымъ съ такимъ довѣріемъ относится Толстой уже въ своихъ педагогическихъ статьяхъ, являются теперь тѣми опорными точками, исходя изъ которыхъ Толстой надѣется разрѣшить вопросъ жизни. Толстой, какъ и Левинъ, не вѣритъ въ научную мысль, ему нуженъ догматъ, нужно непосредственное рѣшеніе вопроса, какое дается религіей. Самые вопросы, которые занимаютъ его мысль,—вопросы вѣры, а не науки. Самымъ кореннымъ вопросомъ для него становится вопросъ о жизни и смерти. Такъ какъ какое-нибудь, хотя призрачное, разрѣшеніе этихъ вопросовъ дается только религіей, то Толстой неизбѣжно долженъ былъ обратиться къ религіи. Но его мысль, испытавшая на себѣ рядъ рационалистическихъ вліяній, была уже чужда непосредственности религіозной вѣры. Дальнѣйшее

развитіе Толстого и представляетъ собой выработку религіознаго міросозэрданія, до котораго Толстой доходитъ путемъ сложной работы мысли“.

Въ то же время Толстой дошелъ до отрицанія существующаго порядка; онъ самъ сталъ вести жизнь, полную физического труда. Онъ дошелъ, наконецъ до отрицанія литературы, какъ искусства. „Утверждая, что всѣ блага прогресса, созданныя наукой, какъ электричество и пр., приносятъ пользу лишь небольшой горсти людей привилегированныхъ, девяти десятымъ же человѣчества не только никакой пользы не приносятъ, но и служатъ прямо ко вреду, онъ и литературу относитъ къ той же категоріи“ (Скабичевскій). „Литература“,—говорить Толстой,—такъ же, какъ и откупа, есть только искусственная эксплоатациѣ, выгодная только для ея участниковъ и негодная для народа. Есть „Современникъ“, есть „Современное слово“, есть „Современная Лѣтопись“, есть „Русское Слово“ „Русскій Миръ“, есть „Грамотей“, „Народное чтеніе“ и „Чтеніе для народа“, есть извѣстныя слова въ извѣстныхъ сочетаніяхъ и перемѣщеніяхъ, какъ заглавія журналовъ и газетъ, и всѣ эти журналы твердо вѣрятъ, что они проводятъ какія-то мысли и направленія. Есть сочиненія Пушкина, Гоголя, Тургенева, Державина. И всѣ эти журналы и сочиненія, несмотря на давность существованія, неизвѣстны, ненужны для народа и не приносятъ ему никакой выгоды. Я говорилъ уже объ опытахъ, дѣлаемыхъ мною для привитія нашей общественной литературы народу. Я убѣдился, въ чёмъ можетъ убѣдиться каждый, что для того, чтобы человѣку изъ русскаго народа любить чтеніе „Бориса Годунова“ Пушкина или исторію Соловьевъ, надобно этому человѣку перестать быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, т. е. человѣкомъ независимымъ, удовлетворяющимъ всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ.

Наша литература не прививается и не привьется народу; надѣюсь—люди, знающіе народъ и литературу, не усомнятся въ этомъ. Какое же благо получаетъ народъ отъ литературы? Библіи и святцевъ до сихъ поръ народъ не имѣетъ дешевыхъ. Другія же книги, которыя западаютъ къ нему, только обличаютъ въ его глазахъ глупость и ничтожество ихъ составителей; деньги и работа его тратятся, а выгоды отъ книгопечатанія,—вотъ уже сколько времени прошло,—мы невидимъ ни малѣйшей для народа. Ни пахать, ни дѣлать квасъ, ни плесть лапти, ни рубить срубы, ни пѣть пѣсни, ни даже молиться не учится и не научится народъ изъ книгъ. Всякій добросовѣстный судья, не одержимый вѣрою прогресса, признается, что выгодъ книгопечатанія для народа не было“ и т. д.

Дошедши до отрицанія значенія художественной литературы, Толстой началъ писать только для народа. Такими произведеніями являются, напримѣръ: „Чѣмъ люди живы“, „Богъ правду видѣть, да не скоро скажетъ“, „Упустишь огонь—не потушишь“, „Свѣчка“, „Два старика“, „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“, комедія „Винокуръ“ и пр. „Разсказы эти, при всей простотѣ и прекрасномъ языке, производятъ на васъ непріятное впечатлѣніе обиліемъ въ нихъ чудеснаго элемента, при чемъ обнаруживается искусственная поддѣлка подъ народныя легенды и сказки. Предвзятость и тенденціозность сквозитъ въ нихъ изъ каждой строки“ (Сабачевскій).

Но, несмотря на отрицаніе литературы какъ искусства, Толстой все-таки написалъ нѣсколько чисто художественныхъ вещей; такъ въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ появился въ печати его разсказъ „Смерть Ивана Ильича“, въ 1887 году была напечатана драма изъ народной жизни „Власть тьмы, или ноготокъ увязъ—всей птичкѣ пропасть“; въ 1895 году разсказъ „Хозяинъ и работникъ“.

Въ 1898 году въ журналѣ „Вопросы философіи и психології“ появился трактатъ „Что такое искусство“, который затѣмъ былъ выпущенъ отдельнымъ изданіемъ. Послѣднее его произведеніе—романъ „Воскресенье“ появился въ 1899 году на страницахъ журнала „Нивы“.

28-го августа 1908 года весь міръ чествовалъ русскаго генія по поводу восьмидесятилѣтія его жизни.

Разборъ произведеній.

Дѣтство, Отрочество и Юность.

Повѣсти „Дѣтство“, „Отрочество“ и „Юность“, какъ и большая часть произведеній Толстого, представляютъ художественную автобіографію. Въ началѣ своей литературной дѣятельности Толстой задумалъ написать романъ „Исторія четырехъ эпохъ“, въ которомъ хотѣлъ изобразить нравственное развитіе ребенка, отрока, юноши и взрослого человѣка. Свое намѣреніе онъ осуществилъ только отчасти въ этихъ трехъ повѣстяхъ.

Николенька Иртеньевъ, отъ лица котораго ведется разсказъ, сообщаетъ намъ свои воспоминанія, связанныя съ его дѣтствомъ, отрочествомъ и юностью. Онъ начинаетъ свой разсказъ съ того утра, когда онъ былъ разбуженъ Карломъ Ивановичемъ, убивавшемъ какъ-разъ надъ его кроватью хлопушкой муху. Карлъ Ивановичъ дѣлаетъ это такъ неловко, что задѣваетъ образокъ Николеньки, висящій на спинкѣ кровати, а убитая муха падаетъ послѣднему на лицо.—

Сначала Николенька сердится, воображая, что Карлъ Ивановичъ дѣлаетъ это нарочно, желая подразнить его; потомъ его досада проходитъ, онъ начинаетъ думать о томъ, какъ Карлъ Ивановичъ любить ихъ, и у него навертываются слезы раскаянія.

Встревоженный Карлъ Ивановичъ разспрашиваетъ его про причину слезъ, „и Николенька отвѣтаетъ ему, что онъ видѣлъ дурной сонъ, будто татан умерла, и ее несутъ хоронить“. Вскрѣ затѣмъ настроеніе Николеньки измѣняется—онъ становится веселъ.—

Николенька и братъ его, Володя, одѣваются и Карлъ Ивановичъ ведеть ихъ внизъ здороваться съ родителями и пить чай. Въ кабинетѣ отца дѣти узнаютъ, что отецъ хочетъ ихъ увезти слѣдующей ночью въ Москву, чтобы тамъ продолжать ихъ образованіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ отказываетъ Карлу Ивановичу отъ мѣста. Затѣмъ отецъ обѣщаетъ взять ихъ послѣ обѣда на охоту и отсыпаетъ ихъ учиться. Однако ученіе не идетъ въ голову Николенькѣ—онъ взволнованъ своимъ отѣзdomъ и предстоящей разлукой съ Карломъ Ивановичемъ. Во время обѣда, затѣмъ, дѣти узнаютъ радостную вѣсть,—Карлъ Ивановичъ остается у нихъ и єдетъ вмѣстѣ съ ними въ Москву.

Далѣе авторъ даетъ намъ нѣсколько превосходныхъ картинъ изъ помѣщичьей и дѣтской жизни, какъ, напримѣръ, описание охоты, игры дѣтей въ лѣсу; знакомитъ насъ мимоходомъ съ юродивымъ Гришкой и съ наперсницей госпожи Иртеньевой—Натальей Саввишной. Затѣмъ слѣдуетъ описание прощанія передъ отѣздомъ дѣтей съ матерью, сестрой и дворовыми; описание дороги и прїѣздъ въ Москву, гдѣ Иртеньевы поселяются у бабушки со стороны матери, строгой, но сердечной старушкі. Здѣсь Николенька Иртеньевъ знакомится съ мальчикомъ Сережей Ивинымъ, подъ вліяніе котораго подпадаетъ на недолгое время. Дѣтство кончается описаніемъ отѣзда Иртеньевыхъ въ деревню, куда зоветъ ихъ умирающая мать. Черезъ нѣсколько времени послѣ смерти Иртеневої умираетъ и Наталья Саввишна, любившая ее больше всего на свѣтѣ. Авторъ ярко изображаетъ горе, постигшее семью Иртеневыхъ.

Дѣтство окончилось и начинается отрочество,—время, полное смутныхъ желаній и стремлений. Толстой этотъ моментъ перехода отъ дѣтства къ отрочеству опредѣляетъ такъ: „Случалось ли вамъ, читатель,—спрашиваетъ онъ,—въ извѣстную пору жизни вдругъ замѣчать, что вашъ взглѣдъ на вещи совершенно измѣняется, какъ будто всѣ предметы, которые вы видѣли до сихъ поръ, вдругъ повернулись къ вамъ другою, неизвѣстной еще вамъ стороныю. Такого рода моральна перемѣна произошла во мнѣ въ первый разъ, во время нашего путешествія (подразумѣвается только что описанная поѣздка „на долгихъ“), съ котораго я и считаю начало моего отрочества. Мнѣ въ первый разъ пришла въ голову ясная мысль о томъ, что не мы одни, т. е. наше семейство, живемъ на свѣтѣ, что не всѣ интересы вертятся около насъ, а что существуетъ другая жизнь людей, ничего общаго не имѣющихъ съ нами, не заботящихся о насъ и даже не имѣющихъ понятія о нашемъ существованіи. Безъ сомнѣнія я и прежде узналъ все это, но зналъ не такъ, какъ я это узналъ теперь, не сознавалъ, но чувствовалъ“.

По возвращеніи въ Москву, Николенька Иртеньевъ начинаетъ сознательнѣе относиться къ окружающимъ, анализируетъ поступки отца, брата, сестры; онъ много думаетъ, желая выработать себѣ опредѣленное міросозерцаніе. Въ это время отецъ Иртеньева по настоянію бабушки отказываетъ Карлу Ивановичу и паниметъ къ мальчикамъ француза-гувернера monsieur Жерома, который подготовляетъ Володю въ университетъ. Николенька замѣчаетъ, что у него становится мало общаго съ Володей, что у того свои собственные интересы. По поступленіи Володи въ университетъ братья еще болѣе расходятся; Володя имѣетъ свои комнаты, своего слугу, свою лошадь и пролетку. Изъ

товарищей Володи Николенька знакомится только съ двумя: съ офицеромъ Дубковымъ и студентомъ княземъ Нехлюдовымъ.

Въ „Отрочествѣ“ же описана смѣшная, но трогательная история Карла Ивановича.

„Отрочество“ кончается дружбой Николеньки Иртеньева съ Нехлюдовымъ.

Николенькѣ Иртеньеву пятнадцать лѣтъ; онъ готовится къ поступленію въ университетъ, къ нему ходятъ учителя, monsieur Жеромъ слѣдитъ за его ученьемъ. Наконецъ, настаютъ экзамены, которые проходятъ недурно, хотя на экзаменъ математики Николенька отправляется, не зная двухъ билетовъ; онъ вытягиваетъ одинъ изъ этихъ билетовъ, но его вырываетъ одинъ изъ экзаменующихся, отдавшій ему свой билетъ. Выдержавъ экзамены, Николенька надѣваетъ сюртукъ съ краснымъ воротникомъ и шпагой, ему отводятъ отдѣльные комнаты, въ его распоряженіе представляютъ слугу, отдѣльную лошадь и пролетку. Въ силу своего происхожденія онъ долженъ былъ примкнуть къ аристократическому кружку своихъ однокурсниковъ, хотя и сознавалъ, что они, несмотря на свою комильфотность, далеко отстали въ умственномъ развитіи отъ бѣдныхъ не комильфотныхъ товарищей. Примкнувъ къ этому кругу, онъ пробовалъ сойтись съ ними, кутиль, но никакъ не могъ войти во вкусъ этихъ комильфотныхъ кутежей. Онъ пробовалъ сойтись съ наиболѣе симпатичными студентами изъ бѣдныхъ, но замѣтилъ, что они сторонятся его, узнавъ о томъ, что „князь Василій Ивановичъ его дядя“. Несмотря на это, согласно данному однимъ изъ нихъ обѣщанію, Иртеньевъ приглашенъ готовиться къ экзаменамъ вмѣстѣ съ самыми развитыми студентами. Эти занятія, однако, приносятъ мало пользы, т. к. Николенька вмѣсто того, чтобы учиться, лежитъ на диванѣ

нѣ и заносится мечтами Богъ вѣсть куда. Явившись на экзаменъ, онъ, конечно проваливается. На этомъ оканчивается „Юность“. — Перешелъ ли Николенька на другой факультетъ, какъ это онъ хотѣлъ сдѣлать, обѣ этомъ Толстой ничего не говоритъ. Но если принять во вниманіе, что Николенька Иртеньевъ — это самъ Толстой, то мы можемъ прослѣдить его дальнѣйшую судьбу въ послѣдующихъ произведеніяхъ нашего писателя.

„Въ лицѣ Николеньки мы имѣемъ передъ собой не типъ (въ томъ смыслѣ, въ какомъ являются типами Володя, Сережа, Сонечка, Катенька), а исключительную натуру, съ чрезвычайно тонкой и сложной душевной организацией. Главная черта характера Николеньки — склонность къ самоанализу... Николенька постоянно слѣдить за самимъ собою, разбирается въ своихъ чувствахъ и мысляхъ, наблюдаетъ за тѣмъ впечатлѣніемъ, какое онъ производить на окружающихъ... Постоянный анализъ своего „я“ поселяеть въ немъ вѣчныя колебанія, неувѣренность въ себѣ, становится источникомъ сомнѣній и внутреннихъ страданій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта способность самоанализа является доказательствомъ его духовнаго превосходства надъ сверстниками, потому что свидѣтельствуетъ о высокой сознательности душевной жизни Николеньки“. Въ Николенькѣ болѣзненно развито самолюбіе, онъ постоянно озабоченъ тѣмъ, какое онъ производить впечатлѣніе на окружающихъ. Ему все кажется „что онъ поступаетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, что у него все выходитъ хуже, чѣмъ у другихъ“. Это постоянное устремленіе вниманія на свое „я“ еще не доказываетъ, что онъ эгоистъ, напротивъ — онъ очень привязчивъ, у него мягкое и добroe сердце, жаждущее любви и сочувствія; это, напримѣръ, видно изъ его отношеній къ Карлу Ивановичу.

Другой отличительной чертой его, выступающей уже на первыхъ страницахъ „дѣтства“, является сильно развитое воображение. Расплакавшись, Николенька объясняетъ Карлу Ивановичу свои слезы тѣмъ, что онъ видѣлъ во снѣ, будто умерла его „татан“. Ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ ему не снилось. Тѣмъ не менѣе, сочинивъ этотъ сонъ, онъ самъ начинаетъ ему вѣрить—ему начинаетъ казаться, что онъ его дѣйствительно видѣлъ и принимается еще сильнѣе плакать. Сила его воображенія еще яснѣе проглядываетъ въ слѣдующемъ случаѣ. Какъ-то онъ не выучилъ урока, затѣмъ сломалъ ключъ отъ отцовскаго портфеля и нехорошо велъ себя по отношенію къ гувернанткѣ знакомыхъ дѣвочекъ; monsieur Жеромъ, выведенный изъ терпѣнія, посадилъ его въ темный чуланъ и обѣщалъ наказать розгами. Сидя въ чуланѣ, Николенька додумался до того, что рѣшилъ, что, такъ какъ его никто не любить и всѣ обращаются съ нимъ плохо, то онъ, навѣрное, не родной сынъ Иртеньевыхъ, а подкидышъ; онъ представлялъ себѣ, какъ онъ пойдетъ къ отцу и скажетъ ему слѣдующее: „папа, напрасно ты отъ меня скрываешь тайну моего рожденія: я знаю ее“. Онъ скажетъ:—разсуждается дальше Николенька,—„что же дѣлать, мой другъ; рано или поздно ты узналъ бы это,—ты не мой сынъ, но я усыновилъ тебя и ежели ты будешь достоинъ моей любви, то я никогда не оставлю тебя“, и я скажу ему: „папа, хотя я не имѣю права называть тебя этимъ именемъ, но я теперь произношу его въ послѣдній разъ, я всегда любилъ тебя и буду любить, никогда не забуду, что ты мой благодѣтель, но не могу больше оставаться въ твоемъ домѣ. Здѣсь никто не любитъ меня, а St. Jérôme поклялся въ моей погибели. Онъ или я должны оставить твой домъ, потому что я не отвѣчаю за себя, я до такой степени ненавижу этого чело-

вѣка, что готовъ на все. Я убью его. Такъ и сказать: папа, я убью его“. Папа станетъ просить меня, но я махну рукой, скажу ему: нѣть, мой другъ, мой благодѣтель, мы не можемъ жить вмѣстѣ, а отпусти меня. И я обниму его, и скажу ему почему-то по французски: Oh, mon père, oh, mon bienfaiteur, donne-moi pour la derniere fois ta bénédiction et que la volonté de Dieu soit faite!“ Сидя на сундуке, Николенька начинаетъ плакать, но вдругъ вспоминаетъ ожидающее его наказаніе, и мечты разлетаются, черезъ иѣсколько времени мечты превращаютъ его въ гусара, отличившагося на войнѣ, и просящаго у императора только одной милости—уничтожить его „врага“ monsieur Жерома.

Умственныя способности Николеньки выше средняго уровня дѣтей его возраста; слабые успѣхи въ наукахъ объясняются отсутствиемъ выдержки и неспособностью къ правильнымъ занятіямъ; „постоянныя наблюденія надъ самимъ собою и надъ виѣшнимъ міромъ, живость воображенія, увлеченія мечтами,— вся эта непрерывная, хотя и мало замѣтная для посторонняго взора, внутренняя работа отвлекаетъ его отъ занятій и мѣшаетъ усидчивому труду“.

Благодаря постоянной работѣ мысли, умственное развитіе Николеньки подвигается быстро впередъ; его рано начали занимать вопросы о назначеніи человѣка, о цѣли жизни, о Богѣ и о вселенной. „Но руководимый никѣмъ умъ Николеньки запутался въ неразрѣшимыхъ трудностяхъ. Отсюда рождаются сомнѣнія, недовольство собой, безысходный скептицизмъ“. Отчество не оставило въ немъ особенно хорошихъ воспоминаній, онъ самъ называетъ этотъ періодъ своей жизни „пустыней“. Сближеніе съ Нехлюдовымъ хорошо повліяло на него,—онъ „съ увлеченіемъ предался вопросамъ морали и выработкѣ жизненныхъ идеаловъ, при чёмъ верховной цѣлью существованія и залогомъ

истинного счастья для него становится идея личного нравственного совершенства". Подъ вліяніемъ этой идеи Николенька помогаетъ работнику выставить раму, ъдетъ къ духовнику въ монастырь исповѣдываться во второй разъ, такъ какъ и въ первый разъ онъ забылъ покаяться въ одномъ грѣхѣ. Несмотря на всю искренность нравственного порыва, онъ не перестаетъ заботиться о томъ, видять ли другіе его кротость и добродѣтель, которая онъ старался выказать передъ исповѣдью.

При всей своей искренности, идеалистическое настроение Николеньки не отличается особенной устойчивостью. Этой самой неустойчивостью и объясняется его увлечение понятіемъ „comme il faut“. Вотъ что говоритъ онъ самъ объ этомъ: „Мое любимое и главное подраздѣленіе людей было на людей *comme il faut* и на *comme il ne faut pas*. Второй родъ подраздѣлялся еще на людей собственно не *comme il faut* и простой народъ. Людей *comme il faut* я уважалъ и считалъ достойными имѣть со мной равные отношенія; вторыхъ притворялся, что презираю, но въ сущности ненавидѣлъ ихъ, питая къ нимъ какое-то оскорбленное чувство личности; третьи для меня не существовали—я ихъ презиралъ совершенно. Мое *comme il faut* состояло, первое и главное, въ отличномъ французскомъ языкѣ и особенно въ выговорѣ. Человѣкъ, дурно выговаривавшій по-французски, тотчасъ же возбуждалъ во мнѣ чувство ненависти. Второе условіе *comme il faut* были ногти—длинные, отчищенные и чистые; третье было умѣнье кланяться, танцевать и разговаривать; четвертое, и очень важное, было равнодушіе ко всему и постоянное выраженіе нѣкоторой изящной, презрительной скучки. Кромѣ того, у меня были общіе признаки, по которымъ я, не говоря съ человѣкомъ, рѣшалъ, къ какому разряду онъ принад-

лежитъ. Comme il faut было для меня не только важною заслугой, прекраснымъ качествомъ, совершенствомъ, котораго я желалъ достичнуть, но это было необходимо условіе жизни, безъ котораго не могло быть ни счастья, ни славы, ничего хорошаго на свѣтѣ. Я не уважалъ бы ни знаменитаго артиста, ни ученаго, ни благодѣтеля рода человѣческаго, если бъ онъ не былъ comme il faut. Человѣкъ comme il faut стоялъ выше и виѣ сравненія съ ними; онъ предоставлялъ имъ писать картины, ноты, книги, дѣлать добро, онъ даже хвалилъ ихъ за это,—отчего же не похвалить хорошаго, въ комъ бы оно ни было, но онъ не могъ становиться съ ними подъ одинъ уровень, онъ былъ comme il faut, а они нѣтъ—и довольно“.

„Главной причиной, почему понятіе comme il faut, на нѣкоторое время сдѣлалось для него верховнымъ идеаломъ, является вліяніе среды и тѣхъ людей, которымъ онъ сознательно или безсознательно подражалъ. Одна изъ характерныхъ чертъ Николеньки заключается въ его легкой внушаемости, благодаря которой онъ легко поддается вліянію извнѣ, хотя бы оношло въ разрѣзъ съ его собственнымъ настроениемъ. Эта черта характера ярко обнаружилась и въ его увлечениіи идеаломъ „comme il faut“. Для того, чтобы освободиться отъ этого увлеченія, Николенькѣ нужно было пережить какую-нибудь неудачу, которая показала бы ему всю несостоятельность его идеала и неосновательность его презрительного взгляда на людей не comme il faut. Этой неудачей для Николеньки была его неудача на экзаменахъ: онъ увидѣлъ, на сколько онъ отсталъ отъ своихъ товарищѣй, къ которымъ онъ относился съ пренебреженіемъ. Послѣ этой неудачи онъ опять возвращается къ мечтѣ о нравственномъ совершенствованіи; этимъ моментомъ заканчивается первая половина юности Николеньки. Второй половины Толстой не написалъ.

Изъ другихъ лицъ этой повѣсти очень ярко обрисованъ нѣмецъ Карлъ Ивановичъ; его изображеніе такъ жизненно потому, что онъ списанъ съ дѣйствительнаго лица, съ нѣмца Федора Ивановича Ресселя, жившаго одно время у Толстыхъ, въ качествѣ гувернера.

Образъ „таман“ вышелъ очень блѣднымъ и не жизненнымъ, такъ какъ онъ вполнѣ выдуманъ. Извѣстно, что Толстой потерялъ свою мать будучи двухъ лѣтъ отъ роду, слѣдовательно онъ не могъ ея помнить (по В. Саводнику—„Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка“ ч. II).

„За исключенiemъ таман, говорить профессоръ Овсяніко-Куликовскій, всѣ прочie важнѣйшиe образы въ трехъ автобіографическихъ повѣстяхъ являются какъ бы первыми эскизами, набросками той кисти, которая впослѣдствiи пишетъ великолѣпныя, во весь ростъ, фигуры бытовыхъ типовъ „Войны и мира“ и „Анны Карениной“. Сюда принадлежатъ отецъ рассказчика, его бабушка, братъ Володя, знакомые изъ общества, а также лица другихъ состояній, входящія въ обиходъ домашней помѣщичьей жизни, какъ учитель Карлъ Ивановичъ, Маша, Наталья Саввишна.

Эти фигуры, хотя не достигаютъ той высоты художественности, на которой стоятъ бытовые типы „Войны и мира“ и „Анны Карениной“, тѣмъ не менѣе являются образами съ опредѣленной формой, ярко очерченной физіономіей и значительной типичностью. Для изображенія этихъ лицъ Толстой имѣлъ въ своемъ распоряженіи натуру, а всѣ они входили такъ или иначе въ сферу его внутренняго опыта“.

Для изображенія старика Иртеньева Толстой пользовался въ качествѣ образца дядей своей будущей жены; гувернантка Мими списана съ особы, жившей у того же дяди въ качествѣ гувернантки. Въ другъ

Николеньки—князъ Нехлюдовъ нельзя не признать самого Толстого.

„Въ этомъ автобіографическомъ значеніи Иртеньева-Нехлюдова и кроется его главный интересъ, говоритъ Корадко. — Критика отмѣчала, что эта личность не типична. Въ пятидесятые годы эта постоянная работа надъ чисто метафизическими вопросами уже не характерна для поколѣнія, а самый способъ приступать къ этимъ явленіямъ, стремлениѳ разрѣшить ихъ, такъ сказать, собственными силами, безъ помощи научныхъ традицій и даже научнаго знанія—этотъ способъ характеренъ для Толстого и именно для него одного въ цѣломъ поколѣніи писателей и мыслителей. Умствованія Николая Иртеньева есть картина роста ума Толстого, крупнаго, оригинальнаго насколько парадоксальнаго. Какъ картина такого роста „Дѣтство, Отрочество и Юность“ представляетъ крупный общечеловѣческій психологической интересъ. Другой интересъ представляетъ картина быта, разворачивающаяся въ качествѣ фона, на которомъ развивается индивидуальный ростъ Николая Иртеньева“.

Утро помѣщика.

Содержаніе повѣсти „Утро помѣщика“ слѣдующее. Девятнадцатилѣтній князь Нехлюдовъ, студентъ третьаго курса, прѣѣхалъ на вакацію въ свою деревню, гдѣ и пробылъ одинъ все лѣто. Здѣсь онъ ближе познакомился съ крестьянами, увидѣлъ, насколько плохо имъ живется, и рѣшилъ бросить университетъ, съ тѣмъ, чтобы навсегда поселиться въ деревнѣ и постаратъся улучшить положеніе крестьянъ. Онъ пишетъ обѣ этомъ теткѣ, которую считаетъ своимъ другомъ и умной женщиной. Несмотря на то, что послѣдняя совѣтуетъ ему не увлекаться своими мечтами, все-таки

остается при своемъ, бросаетъ университетъ и поселяется въ деревнѣ.

У молодого помѣщика распределенъ каждый часъ. Каждое воскресенье ходитъ онъ по крестьянамъ, просившимъ помощи, чтобы самому убѣдиться насколько нужна помощь просящему. Въ одно воскресное утро Нехлюдовъ вышелъ изъ дома, чтобы посѣтить вчерашихъ просителей. Сначала онъ пошелъ къ Ивану Чурисенку который просилъ „сошекъ“ для того, чтобы подпереть избу, которая вся разваливалась. На дворѣ и на избѣ лежалъ отпечатокъ запустѣнія: павозъ не былъ вывезенъ, въ потолкѣ избы была большая дыра; день до того съ потолка упала „накатина“, которая придавила женщину. Нехлюдовъ, видя невозможность жизни въ такой избѣ, предложилъ Чурисенку переселиться въ большую каменную избу, которую онъ только что выстроилъ, обѣщаю ее отдать ему за свою цѣну, но Чурисенокъ и его жена не приняли его предложенія. Чурисенокъ не особенно словоохотливый мужикъ, началъ краснорѣчино расхваливать свое мѣсто:—„здѣсь на міру мѣсто, мѣсто веселое, обычное: и дорога, и прудъ тебѣ, бѣлье что ли бабѣ стирать, скотину ли поить—и все наше заведение мужицкое, тутъ искони заведенное, и гумно, и огородишка ветлы—вотъ что мои родители садили; и дѣдъ, и батюшка нашъ здѣсь Богу душу отдали, и мнѣ только бы вѣкъ тутъ свой кончить, ваше сиятельство, больше ничего не прошу. Буде милость твоя избу поправить—много довольны вашей милостью останемся, а нѣть, такъ и въ старенькой свой вѣкъ какъ-нибудь доживемъ. Заставь вѣкъ Бога молить, не сгоняй ты насъ съ гнѣзда нашего, батюшка“... Чтобы чѣмъ-нибудь помочь Чурисенку, Нехлюдовъ даетъ ему денегъ для покупки коровы, обѣщаю давать кормъ съ барского двора. Кромѣ того, онъ совѣтуетъ Чурисенку

сенку просить у міра лъсу для починки избы. Изъ лъса принадлежащаго Нехлюдову онъ отдалъ часть для крестьянскихъ построекъ, которую и отдалъ въ распоряженіе крестьянъ. Чурисенокъ обѣщаетъ притти на сходку, но отказывается просить у міра пособія.

Слѣдующій, къ которому идетъ Нехлюдовъ— такъ называемый Юхванка-Мудреныи. Его изба производить уже болѣе порядочное впечатлѣніе; недалеко отъ нея Нехлюдову встрѣчаются красивая, толстая, нарядно одѣтая баба, жена Юхванки, несущая на плечѣ конецъ водonoса. Другой конецъ лежалъ на плечѣ бѣдно одѣтой старухи, матери Юхванки, ходившей къ Нехлюдову жаловаться на сына, которому она отдала все свое хозяйство и который съ ней плохо обращается, оправдывая во всемъ свою жену. Нехлюдовъ знаетъ, что Юхванка любить курить, пить и, что онъ часто для того, чтобы добыть денегъ для кутежа, продаетъ необходимыя хозяйственныя принадлежности. Теперь ему сообщили, что Юхванка хочетъ продать свою лошадь. Когда, Нехлюдовъ входитъ въ избу, Юхванка, одѣтый по праздничному, въ новой рубашкѣ, испуганно вскаиваетъ и прячетъ что-то въ печкѣ. Нехлюдовъ просить показать ему ту лошадь, которую Юхванка собирается продавать. Юхванка лжетъ Нехлюдову, что лошадь стара и плоха, и нисколько не смущается, когда тотъ его сейчасъ же обличаетъ во лжи. Нехлюдовъ запрещаетъ ему продавать лошадь, т. к. деньги пойдутъ не на полезное дѣло, а на водку и на табакъ и осенью ему не на чёмъ будетъ работать. Кромѣ того онъ даетъ матери Юхванки деньги на хлѣбъ. Отъ Юхванки Нехлюдовъ заходить еще къ нѣсколькимъ крестьянамъ и наконецъ возвращается домой. По дорогѣ онъ начинаетъ сомнѣваться въ возможности исполненія своей мечты: „неужели вздоръ были всѣ мои мечты о цѣли и обязанностяхъ моей жизни. Отчего

мнѣ тяжело, грустно, какъ будто я недоволенъ собой, тогда какъ я воображалъ, что разъ найдя эту дорогу, я постоянно буду испытывать ту полноту нравственно-удовлетворенного чувства, которую испытывалъ въ то время, когда мнѣ въ первый разъ пришли эти мысли? Гдѣ эти мечты? Вотъ уже большие года, что я ишу счастія на этой дорогѣ, и что же я нашелъ? Правда иногда я чувствую, что могу быть довольнымъ собою; но это какое-то сухое, разумное довольство. Да и нѣтъ, я просто недоволенъ собою: я недоволенъ, потому что я здѣсь не знаю счастія, а желаю, страстно желаю счастія. Я не испытавъ наслажденій, уже отрѣзалъ отъ себя все, что даетъ ихъ. Зачѣмъ? за что? Кому отъ этого стало легче? Правду писала тетка, что легче самому найти счастіе, чѣмъ дать его другимъ. Развѣ богаче стали мои мужики? образовались или развились нравственно? Нисколько. Имъ стало не лучше, а мнѣ съ каждымъ днемъ становится тяжелѣ! Если бъ я видѣлъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи, если бъ я видѣлъ благодарность... но нѣтъ я вижу ложную рутину, порокъ, недовѣrie, беспомощность. Я даромъ трачу лучшіе годы своей жизни.“

Погрузившись въ эти печальныя размышленія, Нехлюдовъ дошелъ домой, гдѣ его ждали крестьяне со своими жалобами. Выслушавъ ихъ и пообѣщавъ одному-одно, другому-другое, онъ прошелъ въ свою комнату, и здѣсь, усѣвшись за роялемъ и беря на немъ аккорды, задумался.—

На вопросъ, почему намѣренія Нехлюдова потерпѣли неудачу, Писаревъ отвѣчаетъ слѣдующее: „Юный помѣщикъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ старается влить вино новое въ мѣха старые,—задача неисполнимая: мѣха ползутъ врозь и вино проливается на полъ или, говоря безъ метафоръ, новая гуманность пропадаетъ безъ пользы и даже приносить вредъ (му-

жички распустились), когда приходитъ въ соприкосновеніе со старыми формами крѣпостного быта“.

Нехлюдовъ взялся за свою задачу, не продумавъ того пути, по которому онъ пошелъ, тѣхъ способовъ, которыми онъ собирался помочь мужику. Всѣ его благія начинанія разбиваются объ упорное недовѣріе мужика, отъ котораго послѣдній, привыкшій видѣть въ помѣщикѣ своего эксплоататора, никакъ не можетъ освободиться.—Кромѣ того, Нехлюдовъ мало знакомъ съ народомъ и по своему характеру, нерѣшительному, уступчивому, непригоденъ для той роли, которую онъ взялъ на себя.—

На бѣгъ.

Это произведеніе представляетъ собою маленький разсказъ изъ жизни Кавказа, въ которомъ описывается набѣгъ на чеченскій аулъ. Рассказъ ведется отъ лица автора. Начинается онъ съ того, что авторъ узнаетъ отъ одного изъ офицеровъ—капитана Хлопова—что ихъ батальонъ выступаетъ въ крѣпость NN. Авторъ рѣшается принять участіе въ этомъ выступленіи, несмотря на всѣ увѣщеванія капитана. Тутъ онъ рассказываетъ намъ о капитанѣ Хлоповѣ, о его матери и о томъуваженіи, которое капитанъ внушалъ ему. Далѣе онъ говоритъ о выступленіи батальона изъ крѣпости, о нѣкоторыхъ офицерахъ, привлекающихъ его вниманіе, и о привалѣ на пути.—Въ седьмомъ часу вечера батальонъ вступаетъ въ крѣпость NN, гдѣ авторъ хочетъ испросить у генерала разрѣшеніе участвовать въ дѣлѣ. У генерала его удивляетъ одинъ изъ офицеровъ, пришедший къ адъютанту генерала выразить ему свое негодованіе по поводу того, что его не назначили въ дѣло. Далѣе рассказывается о выступленіи изъ крѣпости, о томъ, какъ авторъ поджи-

дая на улицѣ генерала, задумался такъ, что не замѣтилъ, какъ тотъ проѣхалъ мимо него, и какъ ему пришлось догонять отрядъ. Затѣмъ разсказывается объ огняхъ, которыми жители ауловъ сообщаютъ другимъ о появлениі русскихъ, о взятіи аула и его разореніи. Едва русскіе успѣваютъ удалиться отъ разореннааго аула на разстояніе трехсотъ шаговъ, какъ изъ ближайшаго перелѣска слышатся выстрѣлы горцевъ. Наступленіе кончается смертью одного изъ молодыхъ офицеровъ, который, не послушавши капитана, съ отрядомъ въ тридцать человѣкъ бросился въ лѣсъ „на ура“. Разсказъ заканчивается описаніемъ возвращенія батальона въ крѣпость.—

„Когда повѣсть „Набѣгъ“ появилась въ печати, говоритъ Дружининъ, то на нее даже мало обратили вниманія, какъ на вещь, которая не бросается въ глаза; но настоящіе знатоки литературы были увлечены поэзіей этого разсказа, въ которомъ есть что-то опьяняющее, волнующее душу и не дающее возможности остановиться на прозаической, вседневной сторонѣ разсказа. Эта картина выступленія войскъ, приготовленій къ бою, ночлеговъ подъ открытымъ небомъ, ощущеній подъ первыми пулями, картина смерти и веселости, рыцарства и беззаботности, удальства и унылыхъ минутъ послѣ набѣга была дѣйствительно плѣнительна, но не менѣе плѣнительны и вѣрны были лица военныхъ людей, выведенныхъ въ „Набѣгѣ.“

Героемъ этой повѣсти является капитанъ Хлоповъ, „имѣющій одну изъ тѣхъ простыхъ, спокойныхъ русскихъ физіономій, которымъ пріятно и легко смотрѣть прямо въ глаза“. Въ контрастъ ему выдвинута фигура поручика Розенкраца.—

На немъ (Розенкрэнцѣ) былъ черный бешметъ съ галунами, такія же ноговицы, новые, плотно обтягивающіе ногу чувяки съ чиразами, желтая черкеска и

высокая, заломленная назадъ, папаха. На груди и спинѣ его лежали серебряные галуны, на которыхъ надѣты были натруска и пистолеть за поясомъ; другой пистолетъ и кинжалъ въ серебряной оправѣ, висѣли на поясѣ. Сверхъ всего этого была опоясана шашка въ красныхъ сафьяновыхъ ножнахъ съ галунами, и надѣта черезъ плечо винтовка въ черномъ чехлѣ... Это былъ одинъ изъ удальцовъ-джигитовъ, образовавшихся по Марлинскому и Лермонтову... Поручикъ всегда ходилъ въ азіатскомъ платьѣ и оружіи, имѣлъ кунаковъ не только во всѣхъ мирныхъ аулахъ, но и въ горахъ; по самымъ опаснымъ мѣстамъ ѳзжалъ безъ оказій; ходилъ съ мирными татарами по ночамъ засаживаться на дорогу, подкарауливать и убивать горцевъ, бытъ влюбленъ въ татарку и писалъ свои записки. Фамилія его была Розенкранцъ“.—

Полную противоположность ему представляетъ капитанъ Хлоповъ: „На немъ былъ старый истертый, сюртукъ безъ эполетъ, лезинскіе широкіе штаны, бѣлая папашка, съ опустившимся, пожелтѣвшимъ курнемъ (овчиной) и незавидная азіатская шашка черезъ плечо. Бѣленъкій маштачокъ (маленькая лошадка), на которомъ онъ Ѳхалъ, шелъ понуря голову, мелкой иногодью, и безпрестанно взмахивалъ жиdenькимъ хвостомъ. Несмотря на то, что въ фігурѣ доброго капитана было не только мало воинственнаго, но и красиваго, въ ней выражалось такъ много равнодушія къ окружающему, что она внушала невольное уваженіе.“—

Посмотрите, какъ разсуждаетъ о храбрости добрый капитанъ Хлоповъ Слушая его, вы подумаете, что поручикъ Розенкранцъ, который связалъ престарѣлаго татарина, въ разоренномъ аулѣ, азартнѣйшій изъ рыцарей.“

„Вотъ, въ тридцать второмъ году (говорить капитанъ) былъ тоже неслужащій какой-то, изъ испанцевъ,

кажется. Два похода съ нами ходилъ, въ синемъ плащѣ, въ какомъ-то, да, наконецъ, и сложилъ тутъ свою голову.

— Здѣсь, батюшка, никого не удивиши.

— Что, онъ храбрый былъ? спросилъ я его.

— А Богъ его знаетъ: все, бывало, впереди Ѣздить; гдѣ перестрѣлка, тамъ и онъ.

— Такъ, стало быть, храбрый,—сказалъ я.

— Нѣтъ, это не значитъ храбрый, что суется туда. гдѣ его не спрашиваютъ...

— Что же вы называете храбрымъ?

— Храбрый, храбрый? повторилъ капитанъ съ видомъ человѣка, которому въ первый разъ предстаетъ подобный вопросъ.—Храбръ тотъ, который ведетъ себя какъ слѣдуетъ,—сказалъ онъ подумавъ немногого“.

Для того чтобы лучше выяснить основную мысль этой повѣсти, нужно привести одну сцену изъ рассказа, въ которой говорится о храбрости вообще и, въ частности о русской храбрости:

„Едва мы отступили сажень на триста отъ аула, какъ надъ нами со свистомъ стали летать непріятельскія ядра.

„Поручикъ Розенкранцъ самъ стрѣлялъ изъ винтовки и, не умолкая ни на минуту, хриплымъ голосомъ кричалъ на солдатъ и во весь духъ скакалъ съ одного конца на другой. Онъ былъ нѣсколько блѣденъ и это очень шло къ его воинственному лицу.

„Хорошенький прaporщикъ былъ въ восторгѣ: прекрасные черные глаза его блестѣли отвагой, ротъ слегка улыбался, онъ безпрестанно подъѣзжалъ къ капитану и просилъ его позволенія броситься „на ура“.

— „Мы ихъ отобьемъ,—убѣдительно говорилъ онъ:— право отобьемъ.

— „Не нужно,—кротко отвѣчалъ капитанъ:—надо отступать.

„Рота капитана занимала опушку лѣса и лежа отстрѣливалась отъ непріятеля. Капитанъ, въ своемъ изношенномъ сюртуکѣ и взъерошенной шапочкѣ, опустивъ поводья бѣлому маштакчу и подкорчивъ на короткихъ стременахъ ноги, молча стоялъ на одномъ мѣстѣ. (Солдаты такъ хорошо знали и дѣлали свое дѣло, что нечего было приказывать имъ). Только изрѣдка онъ возвышалъ голосъ, прикрикивая на тѣхъ, которые поднимали головы. Въ фігурѣ капитана было очень мало воинственаго; но зато въ ней было столько истины и простоты, что она необыкновенно поразила меня. „Вотъ кто истинно храбръ“, сказалось мнѣ невольно.

„Онъ былъ точно такимъ же, какимъ я всегда видаль его: тѣ же спокойныя движенія, тотъ же ровный голосъ, то же выраженіе безхитростности на его некрасивомъ, но простомъ лицѣ; только по болѣе, чѣмъ обыкновенно, свѣтлому взгляду можно было замѣтить въ немъ вниманіе человѣка, спокойно занятаго своимъ дѣломъ. Легче сказать: такимъ же, какимъ и всегда; но сколько различныхъ оттѣнковъ я замѣчалъ въ другихъ: одинъ хочетъ казаться спокойнѣе, другой суровѣе, третій веселѣе, чѣмъ обыкновенно; по лицу же капитана замѣтно, что онъ и не понимаетъ, зачѣмъ казаться.

„Французъ, который при Ватерлоо сказалъ: „la garde meurt, mais ne se rend pas“ и другіе, въ особенности французскіе, герои, которые говорили достопамятныя изреченія, были храбры и дѣйствительно говорили достопамятныя изреченія; но между ихъ храбростю и храбростю капитана есть та разница, что если бы великое слово, въ какомъ бы то ни было случай, даже шевелилось въ душѣ моего героя, я

увѣренъ, что онъ не сказалъ бы его: во-первыхъ, потому, что, сказавъ великое слово, онъ боялся бы этимъ самымъ испортить великое дѣло, а во-вторыхъ, потому, что когда человѣкъ чувствуетъ въ себѣ силы сдѣлать великое дѣло, какое бы то ни было слово не нужно. Это, по моему мнѣнію, особенная и высокая черта русской храбрости; и какъ же послѣ этого не болѣть русскому сердцу, когда между нашими молодыми воинами слышишь французскія пошлыя фразы, имѣющія претензію на подражаніе устарѣлому французскому рыцарству?..“

Казаки.

Оленинъ, герой повѣсти,—юноша, нигдѣ не кончившій курса, нигдѣ не служившій и промотавшій половину своего состоянія. До 24 лѣтъ онъ ничего не дѣлалъ, не избралъ себѣ никакой дѣятельности. Онъ увлекался свѣтской жизнью, хозяйствомъ, музыкой, „но отдавался онъ всѣмъ своимъ увлеченіямъ лишь настолько, насколько они не связывали его. Какъ только, отдавшись одному стремленію, онъ начиналъ чуять приближеніе труда и борьбы, мелочной борьбы съ жизнью, онъ инстинктивно торопился оторваться отъ чувства или дѣла и возобновить свою свободу“. Проигравъ какъ-то большую сумму денегъ, онъ увидѣлъ, что не въ состояніи болѣше вести такую жизнь, что для погашенія долга нужно пожертвовать восьмую часть своего состоянія и вообще сократить расходы. Онъ увидѣлъ, что его жизнь, такъ же, какъ и жизнь всѣхъ окружающихъ, нелѣпа, и рѣшилъ покончить со всѣмъ старымъ и начать новую жизнь. Оленинъ опредѣляется юнкеромъ на Кавказъ. Тамъ онъ поселяется въ казацкой станицѣ. Живеть онъ у хорунжаго, занимающагося школьнімъ дѣломъ. Семейство послѣдняго

состоитъ изъ старухи-жены, сына и красавицы дочери—Марьяны. Оленинъ, до сихъ поръ отрицавшій возможнѣсть любви къ женщинамъ, влюбляется въ Марьяну. Послѣдняя рѣзко отличается отъ другихъ дѣвушекъ въ станицѣ: тѣ пользуются своей свободой и заводятъ себѣ любовниковъ между парнями; Марьяна же считаетъ это болѣшимъ грѣхомъ.

Къ Марьянѣ сватается молодой лихой казакъ Лукашка. Свадьба должна быть черезъ годъ.

Въ Оленинѣ между тѣмъ идетъ работа; на него находитъ „просіяніе“. Однажды на охотѣ, въ лѣсу, недалеко отъ логовища оленя, котораго онъ выслѣживалъ, ему вдругъ съ особеною ясностью пришло въ голову, что „вотъ я, Дмитрій Оленинъ, такое особенное для всѣхъ существо, лежу теперь одинъ, Богъ знаетъ гдѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ олень, старый олень, красивый, никогда, можетъ быть, не видавшій человѣка, и въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ никогда никто изъ людей не сидѣлъ и того не думалъ. Сижу, а вокругъ меня стоятъ молодыя и старыя деревья, и одно изъ нихъ обвито плетями дикаго винограда; около меня копошаются фазаны, выгоняя другъ друга, и чують, можетъ быть, убитыхъ братьевъ“. Онъ ощущалъ осмотрѣль своихъ фазановъ и отеръ окровавленную руку о черкеску. „Чують, можетъ быть, чакалки и съ недовольными лицами пробираются въ другую сторону; около меня, пролетая между листьями, которые кажутся имъ огромными островами, стоятъ въ воздухѣ и жужжатъ комары: одинъ, два, три, четыре, сто, тысяча, миллионъ комаровъ, и всѣ они, что-нибудь и зачѣмъ нибудь жужжатъ около меня, и каждый изъ нихъ такой же особенный отъ всѣхъ Дмитрій Оленинъ, какъ и я самъ“. Ему ясно представилось, что думаютъ и жужжатъ комары.—Сюда, сюда, ребята! Вотъ кого можно юсть,—жужжатъ они и облѣпляютъ

его. И ему ясно стало, что онъ нисколько не русскій дворянинъ, членъ московскаго общества, другъ и родня того-то и того-то, а просто такой же комаръ или такой же фазанъ или олень, какъ и тѣ, которые живутъ теперь вокругъ него.— Такъ же, какъ они, какъ дядя Ерошка, поживу, умру. И правду онъ (Ерошка) говоритъ: только трава вырастетъ“.

„Да что же, что трава вырастетъ? думалъ онъ дальше: все-таки надо жить. надо быть счастливымъ; потому что я только одного желаю—счастія. Все равно, что бы я ни былъ: такой же звѣрь, какъ и всѣ, на которомъ трава вырастетъ и больше ничего, или я рамка, въ которой вставилась часть единаго Божества—всегда надо жить наилучшимъ образомъ. Какъ же надо жить, чтобы быть счастливымъ, и отчего я не былъ счастливъ прежде“? И онъ сталъ вспоминать свою прошедшую жизнь, и ему стало гадко на самого себя. Онъ самъ представился себѣ такимъ требовательнымъ эгоистомъ, тогда какъ въ сущности ему для себя ничего не было нужно. И все онъ смотрѣлъ вокругъ себя на просвѣщающую зелень, на спускающееся солнце и ясное небо, и чувствовалъ все себя такимъ же счастливымъ, какъ и прежде „Отчего я счастливъ и зачѣмъ я жилъ прежде?— подумалъ онъ. Какъ я былъ требователенъ для себя, какъ придумывалъ и ничего не сдѣлалъ себѣ кромѣ стыда и горя! А вотъ какъ мнѣ ничего не нужно для счастія!“ И вдругъ ему какъ будто открылся новый свѣтъ. „Счастіе вотъ что,—сказалъ онъ самъ себѣ,—счастіе въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастія; стало быть она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то-есть отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможнно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣ-

довательно эти желанія незаконны, а не потребность счастія незаконна. Какія же желанія могутъ быть удовлетворены, несмотря на виѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе!“ Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ ему казалось, новую истину, что вскочилъ, и въ нетерпѣніи сталъ искать, для кого бы ему поскорѣе пожертвовать собой, кому бы сдѣлать добро, кого бы любить. Вѣдь ничего для себя не нужно,—все думалъ онъ,—отчего не жить для другихъ?”

Подъ вліяніемъ этого „просіянія“ Оленину захотѣлось чѣмъ нибудь на дѣлѣ доказать происшедшую въ немъ перемѣну, чѣмъ-нибудь пожертвовать для кого-нибудь. Но пока онъ только даритъ коня казаку Лукашкѣ, провожавшему его съ кордона, въ который онъ забрелъ, заблудившись въ лѣсу.

Оленинъ все больше и больше начинаетъ любить Марьяну, предлагаетъ ей выйти за него замужъ. Но Марьяна, одно время снисходительнѣе относившаяся къ Оленину, послѣ извѣстія о тяжкой ранѣ, полученной ея женихомъ, казакомъ Лукашкой, такъ ясно даетъ ему понять, что она его никогда не полюбитъ, что Оленинъ, не чувствуя въ себѣ силы жить съ ней въ одной станицѣ, хлопочетъ о переводѣ въ штабъ и возвращается въ то общество, изъ котораго недавно бѣжалъ.

Оленинъ богатый юноша, съ хорошими нравственными задатками, но со слабымъ характеромъ. Его не удовлетворяетъ беспорядочная жизнь съ кутежами и попойками. Отправившись на Кавказъ, онъ хотѣлъ покончить со всѣмъ прошлымъ и начать новую жизнь. Природа Кавказа произвела на него сильное впечатлѣніе. „Величавая красота природы внесла успокоеніе и просвѣтленіе въ его душу, пробудила въ немъ лучшія стороны его существа, раскрыла смыслъ и

значение жизни...“ Не менѣе сильное вліяніе оказало на Оленина также и его сближеніе съ жизнью обитателей приютившей его станицы, гребенскихъ казаковъ. Эта жизнь, близкая къ природѣ, но полная величавой, самоувѣренной простоты, чуждая всего условнаго, искусственнаго—поразила Оленина, какъ нѣчто новое, неизвѣданное... Въ казакахъ Оленинъ прежде всего видѣть людей, которые „живутъ, какъ живетъ природа, въ полномъ согласіи съ ней, живутъ могучей и здоровой жизнью, между тѣмъ какъ онъ самъ чувствуетъ себя слабымъ, изломаннымъ, половинчатымъ“. Особенno сильное впечатлѣніе произвела на него казачка Марьяна, „величавая, счастливая женщи на“ которая „какъ природа, ровна, спокойна и сама въ себѣ“. Онъ полюбилъ ее такъ, какъ никого еще не любилъ, и эта любовь охватила его стихійной силой. Подъ вліяніемъ этой страсти онъ начинаетъ мечтать о томъ, чтобы самому сдѣлаться казакомъ, поселиться навсегда въ станицѣ, жениться на Марьянѣ, зажить простою, грубою, но близкой къ природѣ жизнью, которую живутъ казаки. Эта жизнь, чуждая всякихъ внѣшнихъ условностей и внутренняго разлада, кажется ему самой счастливой и самой красивой. Но для Оленина было совершенно недоступно то счастіе, о которомъ онъ мечталъ. Марьяна оттолкнула его, потому что любила Лукашку—„урвана“, который быль гораздо ближе и понятнѣе ей, чѣмъ Оленинъ. Но если бы даже обстоятельства сложились иначе, если бы Марьяна вышла за него замужъ и онъ самъ записался бы въ казаки, то счастье и довольство, о которомъ онъ мечталъ, все-таки было бы для него невозможнымъ. Натура раздвоенная, рефлектирующая, онъ могъ только завидовать цѣльнымъ и непосредственнымъ людямъ, какими являются казаки, но, конечно, никогда не могъ достигнуть ихъ цѣльности и уравновѣщенности, основанныхъ

прежде всего на бѣдности ихъ душевной жизни. Затѣмъ рано или поздно должно было выясниться для Оленина внутреннее противорѣчіе между его мечтами о самоотверженной любви, въ которыхъ выражались лучшія стороны его нравственной природы, и всѣмъ строемъ жизни окружающей среды, ея взглядами, чувствами и идеалами, совершенно лишенными морального содержанія. Казаки цѣнить въ человѣкѣ прежде всего физическую силу, ловкость, храбрость, находчивость. Жизнь ихъ, действительно, близка къ природѣ, но эта жизнь—полуживотная, первобытная, безъ всякихъ умственныхъ интересовъ и съ самыми примитивными нравственными понятіями".

Ерошка, товарищъ Оленина по охотѣ „представляетъ собою удивительное соединеніе разнообразныхъ, отчали даже противорѣчивыхъ чертъ. Онъ храбрецъ, „джигитъ“, нѣкогда славившійся по всему округу, „воръ-Ерошкѣ“, какъ онъ самъ себя называетъ; на его совѣсти не одно убійство русскихъ и чеченцевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличается природнымъ добродушемъ и простосердечной веселостью; онъ съ любовью относится ко всему Божьему миру, къ людямъ, какъ и къ животнымъ, между которыми онъ даже не дѣлаетъ особенного различія. По своимъ взглядамъ Ерошкѣ въ значительной степени вольнодумецъ, онъ не признаетъ авторитета старообрядческихъ уставщиковъ, не исполняетъ ихъ предписаній и запрещеній; но несмотря на подобное вольнодумство, Ерошкѣ не чуждъ грубыхъ суевѣрій: онъ вѣритъ въ заговоры, въ примѣты, въ заклятія. Благодаря своему веселому нраву, Ерошкѣ легко сближается съ людьми; но простодушіе его отношений къ людямъ нерѣдко соединяется у него съ нѣкоторымъ лукавствомъ; сблизившись съ Оленинымъ, привязавшись къ нему, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не прочь воспользоваться своимъ зна-

комствомъ, чтобы выпросить себѣ что-нибудь у богатаго русскаго офицера. При разставаніи съ нимъ, онъ плачетъ искренними слезами, но эта печаль не мѣшаетъ ему выпросить себѣ у Оленина „флинту“—на память“. (Саводникъ).

Этотъ разсказъ, какъ и предшествующіе, имѣетъ автобіографическій характеръ. Толстой разсказываетъ эпизодъ, пережитый имъ въ станицѣ Старогладовской, на Терской оборонительной линіи. Въ этомъ разсказѣ впервые замѣтенъ характерный элементъ его міросозерцанія, а именно отрицательное отношеніе къ современной культурной жизни.

Рубка лѣса.

Содержаніе этого рассказа, какъ и разсказа „Набѣгъ“, взято изъ кавказской жизни. Русскій отрядъ отправляется въ горы Кавказа для рубки лѣса. „Самое описание двухъ разсказовъ одинаково; но лица другія, хотя и выражаютъ одну и ту же мысль. Здѣсь главнымъ—невидимо дѣйствующимъ лицомъ является русскій солдатъ,—у котораго довольно мѣтко схвачено много характеристическихъ чертъ. Въ противоположность простому русскому солдату поставленъ нѣкто капитанъ Болховъ, разыгравшій одну и ту же роль съ Розенкранzemъ изъ разсказа „Набѣгъ“. Этотъ капитанъ Болховъ, Богъ знаетъ по какимъ побужденіямъ, явился на Кавказъ; онъ совсѣмъ уже не Мулла-Нуръ съ виду, но въ душѣ у него очень много печоринскаго, и поэтому онъ имѣетъ вліяніе на кружокъ. Точно такъ же, какъ въ „Набѣгѣ“ разоблаченъ былъ Розенкранцъ и выставленъ на видъ капитанъ Хлоповъ, точно такъ вся ходульность и мишурность капитана Болхова была поражена подобной же сценой.“ (Дудышкинъ).

Оставивъ солдатъ разсуждать о томъ, рассказы-

ваетъ авторъ, какъ татары ускакали, когда увидали гранату, и зачѣмъ они тутъ ѳздили, и много ли ихъ еще въ лѣсу есть, я отошелъ съ ротнымъ командромъ за нѣсколько шаговъ и сѣлъ подъ деревомъ, ожидая разогрѣвавшихся битковъ, которые онъ предложилъ мнѣ. Поговоривъ о погодѣ, о военныхъ дѣйствіяхъ, объ общихъ знакомыхъ офицерахъ и убѣдившись по вопросамъ и отвѣтамъ, по взгляду на вещи, въ удовлетворительности понятій одинъ другого, мы невольно перешли къ разговору болѣе короткому. При томъ же, на Кавказѣ между встрѣчающимися одного круга людьми, хотя не высказанно, но весьма очевидно проявляется вопросъ: зачѣмъ вы здѣсь? и на этотъ-то мой молчаливый вопросъ, мнѣ казалось, собесѣдникъ мой хотѣлъ отвѣтить.

— Когда этотъ отрядъ кончится?—сказалъ онъ лѣниво—скучно.

— А мнѣ не скучно,—сказалъ я:—вѣдь въ штабѣ еще скучнѣе.

— О, въ штабѣ въ десять тысячъ разъ хуже,—казаль онъ со злостью: --Нѣтъ, когда все это совсѣмъ кончится?

— Что же, вы хотите, чтобъ кончилось?—спросилъ я.

— Все, совсѣмъ! Что же, готовы битки, Николаевъ? прибавилъ онъ.

— Для чего же вы пошли служить на Кавказъ,—сказалъ я,—коли Кавказъ вамъ не нравится?

— Знаете для чего?—отвѣчалъ онъ съ рѣшительной откровенностью:—по преданію. Въ Россіи вѣдь существуетъ престранное преданіе про Кавказъ—будто это какая-то обѣтованная земля для всякаго рода несчастныхъ людей.

— Да это почти правда,—сказалъ я:—большая часть изъ насъ...

— Но что лучше всего,—перебилъ онъ меня:—что

всѣ мы, по преданію Ѳдущіе на Кавказъ, ужасно ошибаемся въ расчетахъ, и рѣшительно я не вижу, почему вслѣдствіе несчастной любви или разстройства дѣлъ—скорѣе Ѳхать служить на Кавказъ, чѣмъ въ Казань или въ Калугу...

— Да,—сказалъ я, смѣясь:—мы въ Россіи совсѣмъ иначе смотримъ на Кавказъ, чѣмъ здѣсь; это—испытывали ли вы когда-нибудь?—какъ читать стихи на языки, который плохо знаешь: воображешь себѣ гораздо лучше, чѣмъ есть.

— Не знаю, право; но ужасно не нравится мнѣ этотъ Кавказъ,—перебилъ онъ меня.

— Нѣтъ, Кавказъ для меня и теперь хорошъ, только иначе...

— Можетъ быть и хорошъ,—продолжалъ онъ съ какою-то раздражительностью:—знаю только то, что я не хорошъ на Кавказѣ.

— Отчего же такъ?—сказалъ я, чтобы сказать что-нибудь.

— Я чувствую себя неспособнымъ къ здѣшней службѣ, я не могу переносить опасности.—Онъ остановился и посмотрѣлъ на меня.—Безъ шутокъ.

Хотя это непрошенное признаніе чрезвычайно удивило меня, я не противорѣчилъ, какъ, видимо, хотѣлось того моему собесѣднику, но ожидалъ отъ него самого опроверженія своихъ словъ, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ.

— И что смѣшно,—продолжалъ онъ:—что здѣсь ужаснѣйшая драма разыгрывается, а самъ Ѳшь битки съ лукомъ и увѣряешь, что весело.

— Вино есть. Николаевъ?—прибавилъ онъ зѣвая. Этотъ натянутый разговоръ, худо скрытый смыслъ котораго очень ясенъ, былъ перебитъ слѣдующимъ разговоромъ солдатъ:

— Это онъ, братцы мои! послышался въ это время

встревоженный голосъ одного изъ солдатъ, и всѣ глаза обратились на опушку дальняго лѣса. Вдали, увеличиваясь и уносясь по вѣтру, поднималось голубоватое облако дыма. Когда я понялъ, что это было противъ насъ выстрѣль непріятеля,—все, что было на моихъ глазахъ въ эту минуту, все вдругъ приняло какой-то новый, почти величественный характеръ: и козлы ружей, и дымъ костровъ, и голубое небо, и зеленые лафеты и загорѣлое усатое лицо Николаева,—все это какъ будто говорило мнѣ, что ядро, которое вылетѣло изъ дула и летитъ въ это мгновеніе въ пространствѣ, можетъ быть, направлено прямо въ мою грудь.

— Вы гдѣ брали вино?—лѣниво спросилъ я Болхова, между тѣмъ какъ въ глубинѣ души моей одинаково внятно говорили два голоса.—одинъ: Господи, пріими духъ мой съ миромъ; другой: надѣюсь не погнаться, а улыбаться въ то время, какъ будетъ пролетать ядро, и въ то же мгновеніе надъ головой прозвистало что-то ужасно непріятно, и въ двухъ шагахъ шлепнулось отъ насъ ядро.

— Вотъ ежели бы я былъ Наполеонъ или Фридрихъ,—сказалъ въ это время Болховъ, совершенно хладнокровно поворачиваясь ко мнѣ:—я бы непремѣнно сказалъ какую-нибудь любезность.

— Да вы и теперь сказали,—отвѣчалъ я, съ трудомъ скрывая тревогу, произведенную во мнѣ прошедшей опасностью.

— Да что же, что сказалъ—никто не запишетъ.

— А я запишу.

— Да вы ежели и запишете, такъ въ критику, какъ говоритъ Мищенковъ,—прибавилъ онъ улыбаясь.

— Тыфуты, проклятый!—сказалъ въ это время сзади насъ Антоновъ, съ досадой плюя въ сторону:—тропки по ногамъ не задѣла.

Все мое старанье казаться хладнокровнымъ и всѣ наши хитрыя фразы показались мнѣ вдругъ невыносимо-глупыми, послѣ этого простодушнаго воскликанія“.

Главную роль играютъ въ этомъ разсказѣ, собственно, солдаты. Нужно отмѣтить, что Толстой въ своихъ военныхъ разсказахъ даетъ намъ рядъ солдатскихъ типовъ, замѣчательныхъ по художественности, жизненности и правдивости. Типъ солдата въ нашей прежней литературѣ былъ крайне бѣденъ и однообразенъ; солдатъ выказывалъ всегда одни и тѣ же чувства, языкъ его былъ неестественъ—онъ говорилъ всегда прибаутками, пословицами, складными шутками; нечего говорить о томъ, насколько далекъ былъ этотъ языкъ отъ настоящаго народнаго языка.—Совершенно иное видимъ мы у Толстого: языкъ его солдата—это сама жизнь, каждый изъ нихъ говоритъ по своему, сообразно своему характеру и положенію. Типы солдатъ также разнообразны. Часто Толстой говоритъ о „русскомъ солдатѣ“, какъ о лицѣ собирательномъ—характеристика такого солдата—одна. Тамъ же, гдѣ онъ даетъ рядъ художественныхъ типовъ, каждый изъ нихъ имѣеть свои характерныя черты, свою физіономію. Въ данномъ разсказѣ Толстой описываетъ различные типы солдатъ: покорныхъ, начальствующихъ, забавниковъ и т. д.

Севастопольскіе разсказы.

Въ этихъ трехъ разсказахъ—„Севастополь въ декабрѣ 1854 г.“, „Севастополь въ маѣ 1855 г.“ и „Севастополь въ августѣ 1855 г.“—Толстой говоритъ о севастопольской оборонѣ, принадлежащей къ одной изъ наиболѣе блестящихъ страницъ нашей военной исторіи. Какъ мы знаемъ, Толстой самъ находился въ числѣ л. н. толстой.

защитниковъ Севастополя, дѣлиль съ ними опасности и лишенія, испыталъ все то, о чёмъ онъ разсказываетъ, и поэтому, конечно, могъ правдиво передать жизнь осажденаго Севастополя. Онъ не говоритъ о тѣхъ или иныхъ событіяхъ осады, онъ не останавливается на частностяхъ, а даетъ краткій отчетъ о томъ общемъ впечатлѣніи, какое производила на наблюдателя жизнь Севастополя во время осады. Въ первомъ разсказѣ Толстой показываетъ намъ Севастополь въ декабрѣ 1854 года, когда русскіе надѣялись еще не отдавать его непріятелю. Сначала авторъ разсказываетъ о пробужденіи Севастополя, о гавани съ затопленными кораблями, о жизни на набережной Графской пристани, о непріятномъ впечатлѣніи и разочарованіи при первомъ взглядѣ на городъ. „Странное смѣщеніе лагерной и городской жизни, красиваго города и грязнаго бивуака, говоритъ онъ, не только не красиво, но кажется отвратительнымъ беспорядкомъ; вамъ даже покажется, что всѣ перепуганы, суетятся, не знаютъ что дѣлать. Но взгляните ближе въ лица этихъ людей, движущихся вокругъ васъ и вы поймете совсѣмъ другое. Напрасно вы будете искать хоть на одномъ лицѣ слѣдовъ суетливости, растерянности или даже энтузіазма, готовности къ смерти, рѣшимости; ничего этого нѣть: вы видите будничныхъ людей, спокойно занятыхъ будничнымъ дѣломъ, такъ что, можетъ быть, вы упрекнете себя въ излишней восторженности, усомнитесь немного въ справедливости понятія о геройствѣ защитниковъ Севастополя, которое составилось въ васъ по рассказамъ, описаніямъ и по виду и звукамъ съ Сѣверной стороны“. Но для того, чтобы не дать возможности сомнѣваться въ геройствѣ защитниковъ, авторъ ведетъ насъ въ залъ госпиталя, где лежать тяжело раненые и ампутированные: старый солдатъ, которому оторвало ногу на пятомъ „баксіонѣ“, .

умирающій бѣлокурый солдатъ съ недостающей правої рукой, безногая матроска, носившая мужу обѣдъ на бастіонъ и задѣтая бомбой въ ногу, вслѣдствіи чего ей пришлось ее отнять по колѣно, и т. д. Далѣе авторъ говоритъ о томъ впечатлѣніи, которое производитъ на посѣтителя госпиталь: „Выходя изъ этого дома страданій, вы непремѣнно испытаете отрадное чувство полнѣе вдохнете въ себя свѣжій воздухъ, почувствуете удовольствіе въ сознаніи своего здоровья, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ созерцаніи этихъ страданій почерпнете сознаніе своего ничтожества и спокойно, безъ нерѣшимости пойдете на бастіоны“. Затѣмъ авторъ разсказываетъ намъ о той самоувѣренности и твердости духа, которая замѣтна въ публикѣ въ самой оживленной части города, о значеніи 4-го бастіона, о которомъ существуютъ два мнѣнія—„тѣхъ, которые никогда на немъ не были и которые убѣждены, что 4-й бастіонъ есть вѣрная могила для каждого, кто пойдетъ на него, и тѣхъ, которые живутъ на немъ, и которые, говоря про 4-й бастіонъ, скажутъ вамъ, сухо или грязно тамъ, тепло или холодно въ землянкѣ и т. д.“. Потомъ авторъ разсказываетъ о дорогѣ на 4-й бастіонъ, о томъ что чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ больше мѣняется видъ улицы: встрѣчаются раненые, несомые на носилкахъ, слышится звукъ ядеръ, бомбъ; о томъ хладнокровіи, съ какимъ солдаты играютъ въ карты, а офицеръ, спокойно куря папиросу, разскажетъ по вашей просьбѣ „про бомбардированіе 5-го числа, разскажетъ какъ на его батареѣ только одно орудіе могло дѣйствовать и изъ всей прислуги осталось 8 человѣкъ и какъ все-таки на другое утро 6-го онъ палилъ изъ всѣхъ орудій; разскажетъ вамъ, какъ 5-го попала бомба въ матросскую землянку и положила одинадцать человѣкъ; покажетъ вамъ изъ амбразуры батареи и траншеи непріятельскія, которая не дальше здѣсь, какъ въ 30—

40 саженяхъ“; какъ подъ вліяніемъ этого хладнокровія и у посѣтителя первоначальный невольный страхъ исчезаетъ и онъ становится спокойнѣе, несмотря на безпрестанное жужжанье пуль; о томъ, какія интересные чувства можетъ испытать посѣтитель, когда офицеръ, чтобы доставить себѣ удовольствіе, велитъ зарядить пушку и начнетъ палить въ непріятеля. Въ концѣ этого разсказа авторъ говоритъ о томъ чувствѣ, которое посѣтитель выносить увидѣвъ защитниковъ Севастополя за дѣломъ. „Главное, отрадное убѣжденіе которое вы вынесли—говорить онъ—это убѣжденіе въ невозможности поколебать гдѣ бы то ни было силу русскаго народа,—и эту невозможность видѣли вы не въ этомъ множествѣ траверсовъ, брустверовъ. хитро-сплетенныхъ траншей, минъ и орудій, однихъ на другихъ, изъ которыхъ вы ничего не поняли, но видѣли ее въ глазахъ, рѣчахъ, приемахъ, въ томъ, что называется духомъ защитниковъ Севастополя. То, что они дѣлаютъ, дѣлаютъ такъ просто, такъ мало-напряженно и усиленно, что вы убѣждены, что они еще могутъ сдѣлать во сто разъ больше... они все могутъ сдѣлать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляетъ работать ихъ, не есть то чувство мелочности, тщеславія, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, болѣе властное, которое сдѣлало изъ нихъ людей, такъ же спокойно живущихъ подъ ядрами, при ста случайностяхъ смерти, вмѣсто одной, которой подвержены всѣ люди, и живущихъ въ этихъ условіяхъ среди безпревынаго труда, бдѣнія и грязи. Изъ-за креста, изъ-за названія, изъ-за угрозы не могутъ люди принять эти ужасныя условія: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждого,—любовь къ родинѣ. Вы ясно поймете, вообразите себѣ

тѣхъ людей, которыхъ вы сейчасъ видѣли, тѣми героями, которые въ тѣ тяжелыя времена не упали, а возвышались духомъ и съ наслажденіемъ готовились къ смерти, не за городъ, а за родину“.

Во второмъ разсказѣ— „Севастополь въ маѣ 1855 года“ Толстой выводить рядъ военныхъ типовъ; этихъ своихъ героевъ онъ показываетъ не только въ будничной обстановкѣ, но и въ дѣлѣ, во время боя. „Онъ обнаруживаетъ— говоритъ Саводникъ,— скрытая черты ихъ характера, тайные пружины ихъ дѣйствій, ихъ мелкие и крупные недостатки, каковы: честолюбіе, тщеславіе, притворство, хвастливость. Таковъ, напримѣръ, штабсъ-капитанъ Михайловъ; это храбрый офицеръ, добросовѣстный служака, съ сильно развитымъ чувствомъ долга, ради котораго онъ готовъ подвергнуться смертельной опасности: такъ, напримѣръ, не желая рисковать жизнью своихъ солдатъ, онъ самъ отправляется къ лежащему подъ выстрѣлами непріятеля Праскухину для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ на самомъ дѣлѣ убитъ; но тотъ же Михайловъ не чуждъ и мелочного тщеславія: ему доставляетъ большое удовольствіе пройтись подъ руку съ „аристократами“, адъютантомъ Калугинымъ, княземъ Гальцинымъ, и въ то же время онъ стѣсняется на гулянья вступить въ разговоръ съ нѣкоторыми другими офицерами, которыхъ онъ считаетъ стоящими ниже себя за то, что одинъ ходитъ безъ перчатокъ, а другой говоритъ слишкомъ громко и развязно. Этимъ же тщеславнымъ желаніемъ первенствовать, выдѣлиться среди окружающихъ, обратить на себя общее вниманіе заражены и нѣкоторыя другія изъ выведенныхъ лицъ, напримѣръ, Калугинъ: въ основѣ его холодной блестящей храбрости лежитъ честолюбіе, жажда отличій и наградъ, и Толстой показываетъ, какъ онъ изъ самолюбивой гордости такъ же подвергаетъ свою жизнь опас-

ности, какъ другіе изъ патріотизма или изъ чувства долга.

Такимъ образомъ, изображая защитниковъ Севастополя, Толстой не выставляетъ ихъ исключительно съ героической стороны, а рисуетъ ихъ со всѣхъ сторонъ, показываетъ также ихъ человѣческія слабости, страсти и недостатки. Вслѣдствіе этого выведенныя имъ лица лишаются части своей привлекательности, но за то изображеніе ихъ отличается большей полнотой и вѣрностью“.

Содержаніе второго разсказа—„Севастополь въ маѣ 1855 года“ слѣдующее. Уже шесть мѣсяцевъ какъ непріятель осаждаетъ городъ, но все-таки не можетъ взять его. Штабсъ-капитанъ Михайловъ, одинъ изъ защитниковъ Севастополя, идетъ на бульваръ, гдѣ играетъ музыка; тамъ онъ послѣ недолгаго колебанія подходитъ къ кружку аристократовъ, который состоитъ изъ адъютанта Калугина, адъютанта князя Гальцина, полковника Нефердова и ротмистра Праскухина. Погулявши съ ними нѣсколько времени на бульварѣ, Михайловъ возвращается домой. Здѣсь онъ вспоминаетъ о томъ, что ночью онъ долженъ быть на бастіонѣ; мрачныя предчувствія овладѣваютъ имъ, онъ садится къ столу писать прощальное письмо отцу. Затѣмъ онъ одѣвается и, простившись съ плачущимъ слугой Никитой, идетъ въ ложементы, гдѣ, указавъ работу солдатамъ, садится въ ямку за брустверомъ.—Между тѣмъ компания аристократовъ отправляется пить чай къ Калугину; князь Гальцинъ, только что пріѣхавшій изъ Петербурга, разсказываетъ разныя новости. Калугинъ узнаетъ отъ генерала, что ночью будетъ вылазка; Праскухинъ и Нефердовъ, попрощавшись уѣзжаютъ на бастіоны. Черезъ нѣкоторое время принужденъ идти туда и Калугинъ. Князь Гальцинъ выходитъ на улицу, гдѣ гуляя взадъ и впередъ, на-

блюдаетъ за ранеными, которыхъ несутъ въ госпиталь. Онъ тоже входитъ въ госпиталь, но, взглянувъ на залу, онъ „невольно повернулся назадъ и выбѣжалъ на улицу; это было слишкомъ ужасно“.

Калугинъ между тѣмъ подѣлѣваетъ къ тому мѣсту, откуда надо ити пѣшкомъ; соскочивъ съ лошади, онъ идетъ по траншеѣ въ гору; здѣсь имъ овладѣваетъ ужасный страхъ, подъ вліяніемъ котораго онъ пробѣгаетъ шаговъ пять. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ блиндажа командира бастіона этотъ страхъ опять овладѣваетъ имъ и онъ, запыхавшись, добѣгаетъ до блиндажа. Ротмистръ Праскухинъ, посланный генераломъ въ правый ложементъ, передаетъ Михайлову приказаніе отступить къ своему полку, который стоять въ резервѣ.

Калугинъ между тѣмъ встрѣчается въ блиндажѣ съ юнкеромъ барономъ Пестѣ, который съ жаромъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ закололъ штыкомъ француза; изъ блиндажа Калугинъ отправляется домой.

Праскухинъ и Михайловъ идутъ къ резерву; въ середину ихъ батальона падаетъ бомба, осколокъ которой убиваетъ Праскухина; Михайловъ раненъ камнемъ въ голову. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ приказываетъ прaporщику вести баталіонъ, а самъ возвращается къ мѣсту паденія бомбы, чтобы удостовѣриться въ смерти Праскухина.

На слѣдующій день музыка опять играетъ на бульварѣ и офицеры и дамы гуляютъ на аллеяхъ. Тутъ же и князь Гальцинъ, и Калугинъ, и Михайловъ, и юнкеръ баронъ Пестѣ, бывшій на перемиріи и рассказывающій о своемъ разговорѣ съ французскими офицерами.

Воспользовавшись перемиріемъ, французы и русскіе сходятся на полѣ между трупами убитыхъ и разговариваютъ „Вотъ въ кружкѣ—говорить, Толстой,—собравшихся около него русскихъ и французовъ, моло-

денькій офицеръ, хотя плохо, но достаточно хорошо, чтобы его понимали, говорящій по-французски, рассматриваетъ гвардейскую сумку.

— Э сеси пуркуа се уазо ліе?—говорилъ онъ.

Parce que c'est une giberne d'un regiment de la garde, monsieur, qui porte l'aigle imperial.

— Э ву де ла гардъ?

— Pardon, monsieur, du 6-ème de ligne.

— Э сеси у аште?—спрашиваетъ офицеръ, указывая на деревянную желтую сигарочницу, въ которой французъ куритъ папиросу.

— A Balaclava, monsieur! C'est tout simple en bois de palme.

— Жоли—говоритъ офицеръ, руководимый въ разговорѣ не столько собственнымъ произволомъ, сколько словами, которыхъ онъ знаетъ.

— Si vous voulez bien garder cela comme souvenir de cette rencontre vous m'obligerez.

И учтивый французъ выдуваетъ папироску и подаетъ офицеру сигарочницу съ маленькимъ поклономъ. Офицеръ даетъ ему свою, и всѣ присутствующіе въ группѣ, какъ французы, такъ и русскіе, кажутся, очень довольными и улыбаются. Вотъ пѣхотный бойкій солдатъ, въ розовой рубашкѣ и шинели въ накидку, въ сопровожденіи другихъ солдатъ, которые, руки, за спину, съ веселыми, любопытными лицами стоять, за нимъ, подошелъ къ французу и попросилъ у него огня закурить трубку. Французъ разжигаетъ, расковыриваетъ трубочку и высыпаетъ огня русскому.

— Табакъ бунъ,—говорилъ солдатъ въ розовой рубашкѣ,—и зрители улыбаются.

--Oui bon tabac, tabac turc, говорить французъ, et chez vous autres, tabac—russe? bon?

— Русъ—бунъ,—говоритъ солдатъ въ розовой рубашкѣ, при чемъ присутствующіе покатываются со

смѣху.—Франсе иѣтъ бунъ, бопжуръ мусье!—говорить солдатъ въ розовой рубашкѣ, сразу ужъ выпуская весь свой зарядъ знаній языка, и треплеть француза по животу и смѣются. Французы тоже смѣются.

— Кафтанъ бунъ,—говорить бойкій солдатъ, разсматривая шитыя полы зуава, и опять смѣются.

— *Ne sors pas de, ta ligne, à vos places sacrè nom!*—кричитъ французскій капралъ, и солдаты съ видимымъ неудовольствіемъ расходятся.

Толстой кончаетъ этотъ разсказъ слѣдующими словами: „Гдѣ выраженіе зла, котораго должно избѣгать? гдѣ выраженіе добра, которому должно подражать въ этой повѣсти? Кто злодѣй, кто герой ея? Всѣ хороши и всѣ дурны.

Ни Калугинъ со своею блестящею храбростью—*bravoure de gentilhomme*—и тщеславiemъ, двигателемъ всѣхъ поступковъ, ни Праскухинъ, пустой, безвредный человѣкъ, хотя и павшій на браніи за вѣру, престолъ и отечество, ни Михайловъ со своею застѣнчивостью, ни Пестъ, ребенокъ безъ твердыхъ убѣждений и правиль, не могутъ быть ни злодѣями, ни героями повѣсти.

Герой же моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его, и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ—правда!”

Севастополь въ августѣ 1855 года.

Одиннадцать мѣсяцевъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ началась осада; защитники уже потеряли надежду отстоять Севастополь. Поручикъ Козельцовъ, раненый 10-го мая осколкомъ въ голову, возвращался въ концѣ августа изъ симферопольского госпиталя къ своему полку. Козельцовъ былъ офицеръ недюжинный

„Онъ былъ не изъ тѣхъ, которыя живутъ такъ-то и дѣлаютъ то-то, потому, что такъ живутъ и дѣлаютъ другіе: онъ дѣлалъ все, что ему хотѣлось, а другіе ужъ дѣлали то же самое и были увѣрены, что это хорошо. Его натура была довольно богата мелкими дарами: онъ хорошо пѣлъ, игралъ на гитарѣ, говорилъ очень бойко и писалъ весьма легко, особенно казенные бумаги, на которые набилъ руку въ свою бытность батальоннымъ адъютантомъ; но болѣе всего замѣчательна была его натура самолюбивою энергией, которая, хотя и болѣе всего основанна на этой мелкой даровитости, была сама по себѣ черта рѣзкая и поразительная. У него было одно изъ тѣхъ самолюбій, которое до такой степени слилось съ жизнью и которое чаще всего развивается въ однихъ мужскихъ и особенно военныхъ кружкахъ, что онъ не понималъ другого выбора, какъ первенствовать или унижаться, и что самолюбіе было двигателемъ даже его внутреннихъ побужденій: онъ самъ съ собой любилъ первенствовать надъ людьми, съ которыми себя сравнивалъ.

Козельцовъ останавливается на станції „Дуванка“, гдѣ встречается со своимъ младшимъ братомъ Владимиромъ, только что кончившимъ пажескій корпусъ. На вопросъ старшаго брата, отчего онъ поступилъ не въ гвардію, какъ всѣ этого ожидали, а въ армію,—младшій Козельцовъ отвѣчаетъ слѣдующими словами: „Поскорѣе въ Севастополь хотѣлось: вѣдь если здѣсь счастливо пойдетъ, такъ можно еще скорѣе выиграть, чѣмъ въ гвардіи: тамъ въ десять лѣтъ въ полковники, а здѣсь Тотлебенъ такъ въ два года изъ подполковниковъ въ генералы. Ну, а убъются, такъ что же дѣлать!—А главное, знаешь ли что, братъ, все это пустяки; главное я затѣмъ просился, что все-таки какъ-то совѣстно жить въ Петербургѣ, когда тутъ уми-

раютъ за отечество. Да и съ тобой мнѣ хотѣлось быть“. Младшій Козельцовъ соглашается на предложеніе брата ѿхать съ нимъ сейчасъ же въ Севастополь. По дороಗѣ онъ мечтаетъ о томъ, какъ они съ братомъ отличатся въ дѣлѣ, какъ они умрутъ геройской смертью.

Узнавъ, наконецъ, на Николаевской батареѣ, куда каждому изъ нихъ нужно итти, они прощаются и расходятся. Володѣ по жребію выпадаетъ итти на самое опасное мѣсто—въ блиндажъ на Малаховомъ курганѣ. Здѣсь онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ 27-го августа, въ роковой для Севастополя день, Младшій Козельцовъ убить. Старшій тяжело раненъ въ схваткѣ съ французами; никакая врачебная помощь не можетъ спасти его. Щѣлужа крестъ, онъ плача спрашивается у священника, отбиты ли французы. Желая его утѣшить, послѣдній отвѣчаетъ, что побѣда осталась за русскими; онъ скрываетъ, что на Малаховомъ курганѣ уже развѣвается французское знамя.

Война и миръ.

„Это произведеніе предлагаетъ читателю исполнинскую картину жизни 1805—1812 гг., гдѣ съ кропотливостью миніатюриста вырисованы фигуры. Насъ плѣняетъ не та или иная судьба, въ отдѣльности взятая,—насъ плѣняетъ совмѣстное дѣйствіе всѣхъ силъ, во дворцѣ и въ хижинѣ, на улицахъ и внутри домовъ, въ гостиной и на полѣ брани,—силъ, направленныхъ къ тому, чтобы постепенно, но неудержимо привести къ гибели императора французовъ съ его арміей. Героемъ романа является судьба, насколько она обнаруживается въ второстепенныхъ вещахъ. Методъ изображенія—аналитическій, онъ исходитъ отъ наблюденія частнаго, придаетъ фигурамъ полноту характеристическихъ подробностей и, слѣдя той же основѣ,

живо рисуетъ каждое положеніе до мельчайшихъ чертъ. Отдѣлы, какіе обыкновенно встрѣчаются въ большинствѣ романовъ, гдѣ вниманіе читателя не приковывается съ одинаковой энергией, съ трудомъ можно указать въ „Войнѣ и мирѣ“. Все тутъ тщательнѣйшимъ образомъ обработано и сконцентрировано въ тонкій экстрактъ. Романъ этотъ есть созданіе великаго писателя, умудренаго опытомъ человѣка и солдата, русскаго патріота. Все здѣсь, дѣйствія людей и положеніе вещей, какъ бы необходимо и законосообразно... Особенной полнотой жизни дышатъ его описанія войны, которыя исполнены имъ съ изумительнымъ знаніемъ дѣла и богатствомъ фантазіи. Образы выступаютъ одинъ изъ за другого и снова смыкаются въ красивыя группы. Въ цѣломъ, романъ сохраняетъ единство и глубоко прочувствованъ, отличается многообразiemъ и одушевленiemъ. Особенно замѣчательны мастерскія картины битвы Аустерлицкой, Фридландской и Бородинской. Онъ совсѣмъ не похожи на то, что обыкновенно разумѣется подъ такими описаніями. Толстой не показываетъ театра военныхъ дѣйствій, какимъ бы онъ былъ отмѣченъ на картѣ генерального штаба, но точно изображаетъ лишь столько, чтобы каждый въ состояніи былъ какъ бы фактически наблюдать и присутствовать во время битвы. Вслѣдствіе этого описание дышитъ свѣжестью и естественностью впечатлѣнія, которое усиливается до высшей степени иллюзію въ читатель и заставляетъ съ полной силой чувствовать ужасающую силу войны. Надо самому простоять подъ градомъ пуль, чтобы такъ прочувствовать и написать, какъ это видимъ у Толстого“.

Романъ начинается описаніемъ вечерняго чаю у Анны Павловны Шерерь, фрейлины императрицы Маріи Феодоровны, на который съѣхалась вся знать Петербурга. Въ числѣ гостей князь Василій Курагинъ,

„весьма скучная личность, пустой, себялюбивый эгоистъ подъ маской скромнаго бюрократа и свѣтскаго лоска; его дочь, блестящая красавица Эленъ; маленькая княгиня Лиза Болконская—„самая обворожительная женщина въ Петербургѣ; ея мужъ, князь Андрей Болконскій съ медленной походкой, скучнымъ видомъ, представляющій вполнѣ контрастъ съ вѣчно оживленной женой; молодой человѣкъ, толстый, мѣшковатый, въ обществѣ известный подъ именемъ monsieur Пьера—незаконный сынъ богатаго графа Безухаго.—Потомъ авторъ переносить наасъ въ Москву въ домъ графа Ростова, гдѣ въ этотъ день въ честь именинницъ—самой графини и ея дочери Наташи—дается обѣдъ. Семейство Ростовыхъ состоится изъ самого графа, человѣка доброго и мягкосердечнаго; графини, славившейся въ былые времена своей восточной красотой, теперь же слабой здоровьемъ и очень чувствительной; старшей дочери Вѣры, семнадцати лѣтъ, сына Николая, пятнадцатилѣтняго студента, младшей дочери Наташи, милой тринадцатилѣтней дѣвочки, и младшаго сына, толстенькаго, живого Пети. Кромѣ того, въ семье Ростовыхъ воспитываются кузенъ Борисъ и племянница графа, Соня. Борисъ, благодаря хлопотамъ матери, попадаетъ въ гвардію. Въ настоящее время Борисъ и Николай заняты тѣмъ, что ухаживаютъ за Наташой и Соней и, забравшись въ оранжерею, цѣлются съ ними. Слѣдующая сцена—въ домѣ стараго графа Безухаго, который лежитъ при смерти. Вокругъ него его родственники, жаждущіе захватить наслѣдство въ свои руки, между прочимъ, князь Василій Кутрагинъ. Безухій умираетъ; Пьеръ наслѣдуетъ его имя, состояніе и титулъ; алчные наслѣдники по боковой линіи остаются непричесъ.—Между тѣмъ объявлена война. Князь Андрей, назначенный адъютантомъ къ главнокомандующему Кутузову, долженъѣхать въ

дѣйствующую армію. По дорогѣ онъ отвозитъ жену къ отцу, въ имѣніе „Лысые горы“. Старикъ Болконскій—человѣкъ желчный, раздражительный, тяжелаго характера; при немъ живетъ дочь Марья, покорная, очень некрасивая собой.

Затѣмъ авторъ переносить насть на главную квартиру Кутузова, а именно—въ Браунau, въ Австрію. Здѣсь мы видимъ опять князя Андрея и Николая Ростова,—уже юнкеромъ гусарскаго Павлоградскаго полка. Сначала война неудачна для русскихъ; французы нанесли при Ульмѣ тяжелое пораженіе нашимъ союзникамъ-австрійцамъ. Послѣ пораженія австрійцевъ, Кутузовъ, предоставленный своимъ слабымъ силамъ, принужденъ былъ отступить и ждать соединенія съ войсками, шедшими на подкрѣпленіе изъ Россіи. Но маршалъ Мортѣе преграждаетъ ему путь Кутузовъ отражаетъ французовъ и, хотя тѣснимый ими, продолжаетъ отступленіе. Боясь быть отрѣзаннымъ отъ соединенія съ главными силами, онъ даетъ приказъ князю Багратіону, во что бы то ни стало, задержать непріятеля съ своимъ четырехтысячнымъ корпусомъ, чтобы спасти остальную армію.

Во время этихъ военныхъ событий, графъ Безухій или, проще, monsieur Пьеръ, становится завиднымъ женихомъ. Князь Василій Курагинъ женитъ его на своей дочери, красавицѣ Эленѣ. Ободренный этимъ успѣхомъ, князь Василій хочетъ устроить судьбу своего младшаго сына Анатолія; онъ хочетъ женить его на богатѣйшей наслѣдницѣ—княжнѣ Марѣ Болконской. Но эта затѣя не удается: князь Анатолій, поѣхавъ въ „Лысые горы“ свататься за княжну Марью, заводить любовную интрижку съ ея компаньонкой—mademoiselle Bourienne.

Въ это время русскіе опять терпятъ неудачу на театрѣ военныхъ дѣйствій: „Французская армія, высту-

пивъ изъ-за разсѣявшагося тумана, совершенно неожиданно появилась передъ глазами русскихъ, считавшихъ ее за двѣ версты“. Русскіе отступаютъ въ беспорядкѣ. Князь Андрей, оглушенный ударомъ по головѣ, падаетъ замертво на землю.—Николай Ростовъ честно исполнившій свой долгъ ѿдѣтъ въ отпускъ къ роднымъ.

Въ „Лысыя горы“ доходитъ извѣстіе о томъ, что князь Андрей убитъ; маленькая княгиня „ожидаетъ съ часу на часъ сдѣлаться матерью“. Слухъ о смерти князя Андрея оказывается ложнымъ: онъ пріѣзжаетъ въ „Лысыя горы“ за нѣсколько минутъ до смерти своей жены, которая умираетъ, родивъ сына. Князь Андрей, разочарованный военной службой и пораженный смертью жены, выходитъ въ отставку и поселяется въ деревнѣ, желая заняться воспитаніемъ сына и улучшениемъ быта крестьянъ своего отца. Въ „Лысыя горы“ къ нему пріѣзжаетъ Пьеръ Безухій, совершенно порвавшій съ женой. Не зная чѣмъ наполнить пустоту своей жизни, онъ то увлекается масонствомъ, то мечтаетъ объ улучшеніи положенія своихъ крестьянъ.

Между тѣмъ война возобновляется; Николай Ростовъ опять покидаетъ родныхъ; онъ догоняетъ свой полкъ въ Польшѣ.

Князь Андрей Болконскій какъ-то заѣзжаетъ по дѣламъ къ своему сосѣду, графу Ростову. Оживленная болтовня молодежи и расцвѣтающая природа пробуждаютъ въ немъ жажду жизни и дѣятельности. Онъ пишетъ какой-то проектъ военного устава и везетъ его въ Петербургъ на разсмотрѣніе военнаго министерства; но, встрѣтивъ у Аракчеева нехорошій приемъ, онъ примыкаетъ къ кружку Сперанскаго.

Въ это время Пьеръ Безухій, разочаровавшись въ масонствѣ, по настоянію своей тещи, опять сходится съ женой.

Графъ Ростовъ съ семействомъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, надѣясь поправить свои разстроенные дѣла и выдать замужъ дочерей. Старшая—Вѣра—выходитъ за нѣмца-офицера Берга. Ростовы получаютъ приглашеніе на блестящій балъ, на которомъ Наташа знакомится съ Андреемъ Болконскимъ; она производитъ на послѣдняго сильное впечатлѣніе. Они знакомятся затѣмъ ближе и наконецъ князь Андрей дѣлаетъ предложеніе Наташѣ. Предложеніе принято, но для женитбы необходимо согласіе стараго Болконскаго; послѣдній недоволенъ этимъ бракомъ, онъ приказываетъ сыну отложить свадьбу на годъ. Наташа грустить, никуда не выѣзжаетъ, и семья Ростовыхъ возвращается наконецъ въ „Отрадное“. Наташа ъздитъ знакомиться со старымъ Болконскимъ, но послѣдній холдно принимаетъ ее; это глубоко оскорбляетъ Наташу. Графъ, желая развлечь ее, предлагаетъ ей ъхать въ театръ. Здѣсь Наташа знакомится съ Анатолемъ Курагинымъ, который влюбляетъ ее въ себя и послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ у Элленъ подговариваетъ бѣжать изъ дому. Наташа соглашается, но планъ бѣгства не удается. Когда же затѣмъ Пьеръ Безухій разсказываетъ Наташѣ о томъ, что Курагинъ женатъ и даже разошелся съ женой, она пытается отравиться мышьякомъ. Доза, однако, оказывается настолько незначительной, что она остается въ живыхъ. Черезъ нѣкоторое время возвращается въ Москву князь Андрей и довольно спокойно выслушиваетъ извѣстіе объ измѣнѣ Наташи. Онъ получаетъ Пьера передать ей портретъ и письма. Сердце Пьера, при видѣ горя Наташи, преисполняется жалостью къ ней... „Жизнь еще впереди для васъ—воскликнулъ онъ.—Если бы я былъ не я, а самый красивѣйший, самый умнѣйший изъ людей. самый лучшій человѣкъ въ мірѣ, и былъ бы свободенъ—я бы на колѣняхъ просилъ руки и любви вашей“.

Наступаетъ двѣнадцатый годъ. Наполеонъ переправляется черезъ Нѣманъ; русскіе отступаютъ къ границамъ Россіи, уничтожая по пути все, что могло бы попасть въ руки непріятелю. Мы опять встрѣчаемся съ Андреемъ Болконскимъ, служащимъ въ чинѣ генерала подъ начальствомъ Барклай-де-Толли, и съ Николаемъ Ростовыемъ командиромъ эскадрона Павлоградскихъ гусаръ. Русскіе продолжаютъ отступать внутрь Россіи. Главнокомандующимъ назначается Кутузовъ.

Николай Ростовъ командированъ за фуражемъ; по пути онъ заѣзжаетъ въ имѣніе Болконскаго, гдѣ освобождаетъ изъ непріятнаго положенія княжну Марью, которую не хотятъ отпустить въ Москву крестьяне. Николай производить очень выгодное впечатлѣніе на княжну.

Третья часть романа начинается съ описанія бородинской битвы. Пьеръ Безухій во время сраженія переходитъ изъ одного мѣста на другое, не думая о томъ, какой опасности онъ подвергается. Въ бородинской битвѣ смертельно раненъ Андрей Болконскій.

Кутузовъ рѣшаетъ, наконецъ, отдать Москву французамъ. Жители толпами тянутся по улицамъ, оставляя городъ во власть непріятеля и стараясь увезти только наиболѣе цѣнное. Гр. Ростовъ, по желанію Наташи оставляетъ свое имущество валяться, а подводы, предназначенные для перевозки вещей, отдаетъ раненымъ, въ числѣ которыхъ находится и князь Андрей, о чёмъ Наташа узнаетъ только въ дорогѣ.

Наполеонъ, между тѣмъ, подѣзжаетъ къ городу; но къ своему удивленію не встрѣчаетъ депутаціій бояръ съ ключами отъ столицы; Москва оказывается оставленной жителями. Не дождавшись депутації, французы занимаютъ городъ и предаются грабежу.— Пьеръ Безухій остается въ Москвѣ, задумавъ убить

Наполеона. Его арестуютъ, т. к. онъ заступается за армянку, у которой какой-то французъ хочетъ сорвать съ шеи дорогое ожерелье.

Николай Ростовъ, поѣхавшій покупать лошадей для полка, встрѣчается въ Воронежѣ съ княжной Марьей, которая ему очень нравится. Покончивъ съ дѣлами, онъ возвращается въ полкъ; княжна ѿдѣтъ въ Ярославль, гдѣ черезъ нѣсколько минутъ послѣ ея прїѣзда, примирившись съ Наташой, умираетъ князь Андрей.

Пьеръ остается пока въ плѣну у французовъ и каждую минуту ожидаетъ смерти, т. к. на его глазахъ разстрѣляли уже нѣсколько русскихъ плѣнныхъ. Онъ становится спокойнѣе, чувствуетъ себя лучше, чѣмъ въ періодъ своего увлеченія массонствомъ и филантропіей.

Наконецъ, Наполеонъ, напрасно старавшійся заключить миръ, выступаетъ изъ Москвы по смоленской дорогѣ. Партизанскіе отряды Денисова и Долохова отбиваются у французовъ въ числѣ другихъ плѣнныхъ и Пьера Безухаго. Въ этой схваткѣ между партизанами и французами убитъ Петя Ростовъ. Этими эпизодами и смертью Кутузова въ Вильнѣ куда онъ удалился послѣ изгнанія французовъ, кончается часть романа, посвященная войнѣ.

Наташа Ростова, не успѣвшая еще оправиться отъ потрясенія со смерти князя Андрея, находится въ какомъ-то одѣженіи. Изъ этого состоянія выводитъ ее только горе матери, узнавшей о смерти своего Пети.

Черезъ нѣкоторое время Наташа ѿдѣтъ вмѣстѣ съ княжной Марьей въ Москву. Здѣсь въ домѣ княжны она встрѣчается съ Пьеромъ Безухимъ, который, освободившись изъ плѣна, прїѣхалъ въ Москву, гдѣ и узналъ о смерти своей жены и князя Андрея.—Лю-

бовь Пьера покоряетъ, наконецъ, сердце Наташи и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они женятся.

Графъ Ростовъ умираетъ, оставивъ свои дѣла въ разстроенному состояніи; Николай вынужденъ перейти на гражданскую службу. Онъ любить княжну Марью, но не рѣшается предложить ей быть его женой въ виду своего плохого материальнаго положенія. Княжна скоро догадывается о причинахъ его холодности и ея любовь къ нему еще усиливается. Они женятся и уѣзжаютъ въ „Лысые горы“. Въ концѣ романа Толстой знакомить насъ съ семейной жизнью ихъ, а также съ жизнью гостившихъ у нихъ Пьера и Наташи Безухихъ.

Главнымъ лицомъ романа слѣдуетъ считать *Андрея Болконскаго*. На него обращено гл. обр. вниманіе автора, на него потрачено больше всего психологического анализа.— Болконскій человѣкъ необыкновенный, рѣзко выдѣляющійся среди другихъ лицъ романа.

Первое, что бросается въ глаза, если начать разбираться въ его поступкахъ, это—отсутствіе въ немъ постоянства, цѣльности. Въ силу своей увлекающейся натуры, онъ не можетъ остановиться на чемъ-либо одномъ; онъ постоянно переходитъ отъ одного дѣла, увлеченія къ другому.— Въ началѣ романа онъ боится творить Наполеона; онъ жаждетъ труда, дѣятельности, подъ которой понимаетъ въ это время военную службу. Вскорѣ затѣмъ—послѣ битвы при Аустерлицѣ—его симпатіи мѣняются: Наполеонъ уже не кажется ему гениемъ, война не представляется истинной, достойной человѣка, дѣятельностью.— Болконскій возвращается домой, гдѣ застаетъ умирающую отъ родовъ жену; смерть ея производить на него громадное впечатлѣніе—его прежнее презрительное отношеніе къ ней уступаетъ мѣсто глубокой скорби и сожалѣнію;

вмѣстѣ съ тѣмъ появляется въ немъ и любовь къ оставшемуся послѣ смерти жены сыну.—Черезъ нѣкоторое время жажда дѣятельности опять возвращается къ князю Андрею, и онъ примыкаетъ къ кружку Сперанского. Вскорѣ, однако, онъ разочаровывается въ дѣятельности Сперанского и на смѣну этому увлечению является любовь къ Наташѣ. Затѣмъ онъ опять увлекается войной и т. д.

Все это отнюдь не портитъ фигуры Болконскаго, наоборотъ, это дѣлаетъ его человѣкомъ живымъ, выхваченнымъ изъ дѣйствительности.

Князь Андрей, повторяемъ, рѣзко выдѣляется среди окружающихъ по своему уму, развитію, силѣ воли. Онъ самъ чувствуетъ свое превосходство надъ тѣми людьми, съ которыми имѣеть дѣло, и поэтому относится къ нимъ свысока, съ нѣкоторой даже презрительностью. Только къ двумъ лицамъ относится онъ иначе—къ своему отцу и Пьеру Безухому. Отъ первого онъ унаслѣдовалъ, очевидно, главныя черты своего характера. Онъ уважаетъ отца, относится къ нему съ почтеніемъ, но тѣмъ не менѣе одинъ изъ всего дома не подчиняется его деспотизму.—Къ Пьеру Безухому онъ чувствуетъ расположение отчасти потому, что цѣнитъ въ немъ его искренность и доброту, отчасти же потому, что то первенствующее положеніе, которое занимаетъ онъ по отношенію къ Пьеру, льстить его самолюбію и гордости.

Князь Андрей обладаетъ сильнымъ и яснымъ умомъ. „Яснымъ и свѣтлымъ взглядомъ смотрить онъ на окружающее, все отлично понимаетъ и дѣйствуетъ сообразно этому пониманію. Каждый шагъ его, слово, дѣйствіе—выказываетъ сильный умъ и сильный характеръ. Онъ до такой степени окруженъ ореоломъ мужественной силы ума, воли, образованія, каждое слово его такъ рѣзко и опредѣленно, каждый поступокъ дѣ-

лается такъ увѣренno, что истинная женщина не могла бы выбрать себѣ лучшаго идеала” (Сычевскій).

Несмотря на всѣ эти качества, князь Андрей, какъ мы уже говорили, постоянно колеблется въ своихъ симпатіяхъ, переходитъ отъ одного увлеченія къ другому. Дѣло въ томъ, что тѣ убѣжденія, то міросозерцаніе, подъ вліяніемъ которыхъ онъ дѣйствуетъ, не могутъ его вполнѣ удовлетворить. Онъ чувствуетъ недостатокъ чего-то такого, что не могутъ дать ему логические выводы. Онъ скептикъ, извѣрившійся во всемъ и, между тѣмъ, онъ чувствуетъ въ себѣ именно недостатокъ вѣры, отсутствіе непосредственности. Понятны, поэтуму, становятся его неустойчивость, его переходы отъ одного увлеченія къ другому.—Лежа на аустерлицкомъ полѣ, онъ чувствуетъ, какъ что-то иное, чѣмъ сухіе логические выводы, начинаетъ за-крадываться въ его душу. Въ Наташѣ Ростовой, затѣмъ, онъ находитъ именно ту цѣльность, ту вѣру, которой недостаетъ ему самому, и это-то и притягиваетъ его къ ней.—Въ день Бородинской битвы происходитъ съ нимъ опять процессъ, схожій съ описаннымъ: онъ раненъ осколкомъ гранаты и опять всѣ его прежнія стремленія улетучиваются и въ немъ опять происходитъ переворотъ—онъ обращается мыслями къ Богу, онъ начинаетъ понимать, наконецъ, что смыслъ жизни заключается въ любви, самоотверженіи, отрѣшеніи отъ всякаго эгоизма.

Таковъ князь Андрей. Не будемъ разбираться въ вопросѣ о томъ, насколько онъ является человѣкомъ своего времени. Отмѣтимъ только, что часто въ критикѣ указываютъ на то, что Андрей Болконскій личность идеальная, не соотвѣтствующая той эпохѣ, которую описываетъ авторъ, что „въ князя Андрея авторъ вложилъ мысли и страданія человѣка позднѣйшаго (нашего) времени“, что „гораздо правильнѣе бу-

детъ, поэтому, смотрѣть на Болконскаго не какъ на героя историческаго романа 800-хъ годовъ, а какъ напосторонняго наблюдателя, передъ которыемъ, какъ въ панорамѣ, проходятъ лица и событія того времени“ и т. д.

Полную противоположность князю Андрею во многихъ отношеніяхъ представляетъ *Пьеръ Безухій*. Онъ добродушенъ и наивенъ, у него нѣтъ проницательности князя Андрея и онъ часто бываетъ обманутъ людьми. Онъ „чрезвычайно склоненъ къ мечтательному философствованію“, благодаря чему онъ мало способенъ къ практической дѣятельности, хотя и чувствуетъ живѣшую потребность приносить пользу людямъ, дѣлать имъ добро. Онъ задумывается о томъ, „какъ жить и что дѣлать для того, чтобы достигнуть внутренняго нравственнаго удовлетворенія“ Отличительная черта его характера—это слабоволіе, благодаря которому онъ переноситъ тяжкія страданія, женившись на Эленъ Курагиной. Онъ легко поддается вся кому настроенію; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень искрененъ и откровененъ, никогда не скрываетъ своихъ мыслей и чувствъ, не заботясь о томъ, какое впечатлѣніе это производить на другихъ. Его душевная мягкость и откровенность привлекаютъ къ нему общія симпатіи. Только такія испорченныя натуры въ родѣ его жены, Анатоля или Долохова, остаются холодными къ Пьеру или даже выказываютъ по отношенію къ нему прямую враждебность.

Несмотря на всю разницу душевнаго склада Пьера и князя Андрея у нихъ есть одна общая черта; она „заключается въ ихъ сознательномъ серьезномъ отношеніи къ жизни, въ ихъ взглядѣ на жизнь, какъ на нѣкоторую сложную моральную задачу, требующую себѣ разрѣшенія. Оба они—натуры ищущія, не удовлетворяющіяся тѣмъ, что даетъ обыденная дѣйствитель-

ность, не идущія по протоптанной тропинкѣ, по которой двигается большинство лицъ ихъ общества. У обоихъ въ глубинѣ души горитъ страстная жажда истины, не допускающая ихъ успокоиться среди жизнестройной пошлости. Въ стремлениіи достигнуть внутренняго успокоенія и согласія съ самимъ собою Пьеръ увлекся масонствомъ, но оно ему не дало того, что онъ ожидалъ. Это разочарованіе въ масонствѣ было для него тяжелымъ нравственнымъ ударомъ; онъ впалъ въ прежнее состояніе душевной тревоги и неудовлетворенности". Наконецъ онъ находитъ выходъ изъ этого состоянія душевнаго напряженія, познакомившись со строемъ народнаго міросозерцанія. Желая уподобиться народу, Пьеръ доходитъ до мысли о самопожертвованіи, онъ мечтаетъ убить Наполеона; вместо этого его берутъ въ плѣнъ французы. Между другими плѣнными оказался крестьянинъ Платонъ Карапаевъ, сближеніе съ которымъ и даетъ Пьеру то нравственное удовлетвореніе, котораго ему не доставало.—Въ эпилогѣ романа показана дальнѣйшая жизнь Пьера, женатаго на Наташѣ, но не поглощенаго цѣликомъ семейной жизнью. „Общественные интересы, игравшіе и раньше весьма значительную роль въ его умственной жизни, теперь овладѣли имъ съ особенной силой. Въ эпилогѣ романа Пьеръ является однимъ изъ организаторовъ и дѣятельныхъ членовъ тѣхъ тайныхъ обществъ, въ которыхъ выразился протестъ наиболѣе образованной и либеральной части русскаго общества противъ реакціоннаго направлениія государственной политики".

„Княжна Марья, некрасивая и неграціозная по внѣшности, не блестящая по способностямъ, производитъ глубокое впечатлѣніе высшей духовной красоты. Подобно Лизѣ Тургенева, она вся проникнута поэзіей христіанского самоотверженія и высокой нравствен-

ной чистоты. На жизнь она смотритъ серьезно и строго, какъ на исполненіе долга, возложеннаго на нее Богомъ. И какъ бы ни былъ тяжель этотъ долгъ, она готова всегда исполнять его, безропотно и покорно.

Эта покорность и терпѣніе, въ которыхъ выражалась сила ея характера, были воспитаны въ ней всей обстановкой ея жизни... Рано лишившись матери, она осталась на рукахъ отца, страстно любившаго свою дочь, но словно стыдившагося высказать ей всю нѣжность своего чувства и потому обращавшагося съ ней съ особенной суворостью, невольно внушавшей ей чувство непобѣдимаго страха.

Во всемъ подчиняясь волѣ отца, княжна Марья только въ одной области твердо сохраняла свою самостоятельность,—именно, въ области религії. Ея глубокая религіозность помогала ей переносить всѣ страданія жизни, въ ней почерпала она силу и утѣшеніе въ своей грустной участіи. Княжна Марья чужда всячаго эгоизма. Несмотря на отсутствіе эгоизма въ ея натурѣ, несмотря на высоту своихъ помысловъ, княжна Марья нерѣдко мечтаетъ о возможности земного счастья, о любви, о семейной жизни. Впослѣдствіи эта мечта о семейномъ счастьѣ осуществилась: княжна Марья нашла преданнаго и любящаго мужа въ лицѣ Николая Ростова, на котораго она имѣла сильное, облагораживающее вліяніе". (Саводникъ).

Съ особой любовью рисуетъ намъ авторъ образъ *Наташи Ростовой*.

Наташа растетъ въ семьеъ своихъ родителей—богатыхъ и радушныхъ московскихъ баръ. Она не знаетъ ни горя ни заботъ; она выростаетъ балованнымъ ребенкомъ, но развивается на свободѣ, не подвергаясь той дрессировкѣ, которая должна образовать „благовоспитанную барышню“.—Уже въ дѣтствѣ граціозная фігурка Наташи невольно привлекаетъ вниманіе; она

выростаетъ „обворожительной“ дѣвушкой, подвижной, живой, впечатлительной. Наташа—натура даровитая—она превосходно танцуетъ, пѣніемъ ея заслушиваются знатоки.

Центръ ея духовной жизни—она сама; но несмотря на это, несмотря на то, что она любить наслажденія жизни, она обладаетъ добрымъ и отзывчивымъ сердцемъ, способнымъ откликнуться на все хорошее. Она характеръ цѣльный, не затронутый тѣми сомнѣніями, которыя мучатъ Андрея и Пьера. Она во всемъ руководится своими чувствами, она во власти ихъ. Разбираться въ людяхъ помогаетъ ей главнымъ образомъ та чуткость, инстинктивная проницательность, которая часто помогаетъ женщинамъ, помимо умственныхъ соображеній, безошибочно угадывать многое. Любовь—ея главная стихія. Еще будучи двѣнадцатилѣтней дѣвочкой, она влюбляется въ своего кузена Бориса Друбецкаго; эта любовь является для нея, однако, пока только чѣмъто въ родѣ дѣтской игры. Затѣмъ влюбляется она въ князя Андрея; на этотъ разъ она чувствуетъ, что это уже не простое увлеченіе, а болѣе серьезное и сильное чувство. Но князь Андрей уѣзжаетъ, отложивъ свадьбу на годъ. Наташа томится, скучаетъ, однако молодость и жажда жизни берутъ свое—она увлекается красивымъ, но пустымъ фатомъ Анатолемъ Курагинымъ. Это увлеченіе носить чисто физической характеръ, оно для самой Наташи ново и непонятно—она чувствуетъ съ недоумѣніемъ, что между ней и Курагинымъ нѣть никакихъ нравственныхъ преградъ. Къ счастью романъ съ Курагинымъ кончается ничѣмъ. Это свое увлеченіе Наташа искупаетъ тяжелыми страданіями. Разрывъ съ княземъ Андреемъ, а затѣмъ смерть послѣдняго сильно потрясаютъ ее—она заболѣваетъ, а затѣмъ становится апатичной, равнодушной ко всему; только горе матери приводитъ ее въ себя.

Въ концѣ романа мы видимъ ее женой Пьера, почитательную любовь котораго она оцѣнила. Она отдалась вся своей семье—мужу и дѣтямъ.

Какъ типъ общественный, Наташа принадлежить къ категоріи женщинъ т. н. „физіологическаго“ типа. Она преимущественно „женщина—мать“, не принимающая участія въ общественной жизни, считающая материнство единственнымъ и высшимъ назначеніемъ женщины.

Николай Ростовъ также натура цѣльная, нетронутая. Онъ мало думаетъ, не задается вопросами о смыслѣ или значеніи того или иного факта; онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ чувствъ, порывовъ, въ которыхъ себѣ не отдаетъ отчета, часто не думая о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ.

Онъ поступаетъ въ гусары, прельщеный идеаломъ гусара—рубаки, наѣздника и т. д., и тотчасъ сжигается со своимъ полкомъ, начинаетъ дорожить его честью, какъ своей. Так же сразу и безотчетно влюбляется онъ затѣмъ въ государя; онъ чувствуетъ себя счастливымъ въ присутствіи послѣдняго и готовъ податься съ каждымъ, кто попытался бы подвергнуть критикѣ это его обожаніе.—События съ Денисовымъ и впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ больницы, а затѣмъ то впечатлѣніе довольства, которое производить на него Тильзитъ, поселяютъ было въ его душу сомнѣнія, но онъ спѣшитъ отогнать отъ себя тяжелыя мысли и разрѣшаетъ свои сомнѣнія двумя бутылками вина.

Такимъ образомъ его не тревожатъ никакія сомнѣнія или противорѣчія; онъ старается по возможности быть далеко отъ нихъ и вполнѣ удовлетворяется жизнью, которую ведетъ въ полку.

Совершенно иную фигуру представляетъ *Борисъ Дубецкой*. Онъ—блестящій гвардейскій офицеръ. Главная забота его—сдѣлать карьеру, пойти какъ можно

далъше. Ближайшимъ помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ является его мать. Она исполняетъ всю черную работу—выпрашиваетъ, хлопочеть, пресмыкается. Борисъ относится къ ея стараніямъ съ наружнымъ равнодушіемъ, изображая изъ себя послушного сына, который не имѣть права мѣшать матери, препятствовать ей въ осуществленіи ея завѣтнаго желанія—устроить карьеру любимаго дитяти. Вообще Борисъ умѣетъ вести себя съ должнымъ достоинствомъ, умѣетъ, гдѣ нужно, подслужиться и извлечь выгоду, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить независимую и полную достоинства физіономію.—И дѣйствительно, онъ быстро подвигается.

Лишь только судьба Бориса принимаетъ благопріятный оборотъ, онъ тотчасъ начинаетъ удаляться отъ Ростовыхъ, въ домѣ которыхъ онъ выросъ.—Правда, встрѣтившись съ Наташой—предметомъ своей юношеской любви, онъ опять увлекается ей, но и тутъ его благоразуміе беретъ верхъ—онъ понимаетъ, что ему нельзя жениться на такой безприданницѣ, какъ Наташа, и перестаетъ посѣщать Ростовыхъ.

Наконецъ, онъ продаетъ себя Жюли Карагиной.

„Собственно говоря, „Войну и миръ“ даже нельзя назвать романомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Богатство его содержанія и разнообразіе выведенныхъ лицъ настолько велики, что съ этой точки зрењія „Войну и миръ“ всего справедливѣ было бы назвать національной эпопеей, героемъ которой является весь русскій народъ,—тѣмъ болѣе, что въ центрѣ дѣйствія стоитъ событие величайшей исторической важности, имѣвшее всенародное значеніе,—Отечественная война. При этомъ все произведеніе Толстого проникнуто національнымъ духомъ и глубокой любовью ко всему родному, русскому. „Сотни историческихъ и этнографическихъ сочиненій, говорить по этому поводу одинъ

иностранный критикъ (Баденъ), не дадуть намъ такого полнаго представления о русскомъ характерѣ и темпераментѣ, какъ это сдѣлано въ рассматриваемомъ романѣ". И этотъ національный характеръ произведенія Толстого, въ соединеніи съ его художественными достоинствами и силой психологического анализа, обезпечиваетъ ему совершенно исключительное положеніе въ русской литературѣ.

Въ художественномъ отношеніи „Война и миръ“ является однимъ изъ величайшихъ и совершеннейшихъ произведеній не только русской, но и всемірной литературы. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ романѣ съ особенной яркостью обнаруживаются всѣ наиболѣе характерныя особенности художественного творчества Толстого. Къ числу ихъ принадлежитъ прежде всего его глубокій реализмъ, необычайная жизненная правдивость его изображенія. Толстой неискажаетъ дѣйствительности, не прикрашиваетъ лица, которыя ему симпатичны, и, наоборотъ, не усугубляетъ темныхъ красокъ при изображеніи типовъ, которымъ онъ не можетъ сочувствовать; вездѣ Толстой остается строгого объективнымъ и беспристрастнымъ художникомъ, съ трезвой правдивостью воспроизводящимъ дѣйствительность такъ, какъ онъ ее видитъ и понимаетъ. Въ изображеніи душевной жизни выведенныхъ лицъ, ихъ характеровъ, чувствъ и настроеній, въ полной мѣрѣ высказалось мастерство Толстого, какъ художника-психолога. Съ наибольшей яркостью оно обнаруживается въ тонкомъ анализѣ душевныхъ движений и оттѣнковъ настроенія тѣхъ изъ его героевъ, которые отличаются особенно сложной и богатой психической организацией, каковы, напр., кн. Андрей и Пьеръ Безухій; Толстой шагъ за шагомъ слѣдитъ за ихъ душевнымъ развитиемъ, за смѣшной чувствъ и стремленій, обнаруживаетъ глубокіе, скрытые, внутренніе мотивы

ихъ поступковъ, заставляетъ ихъ переживать разнообразныя увлеченія, приводить ихъ во всевозможныя столкновенія съ дѣйствительностью. Но психологическое мастерство Толстого обнаруживается не только въ изображеніи отдельныхъ характеровъ, но также въ умѣніи уловить и изобразить настроеніе толпы подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ чувствъ и страстей.

Главная идея „Войны и мира“ заключается въ признаніи полнаго подчиненія человѣка высшему руководящему началу, Провидѣнію, располагающему по своимъ предначертаніямъ его судьбой, опредѣляющему всѣ его жизненные отношенія. Благо человѣка заключается въ сознательномъ или безсознательномъ подчиненіи этому высшему руководящему началу, въ отказѣ отъ собственной воли, въ смиреніи передъ неисповѣдимыми путями Промысла“.

„Общія идеи Толстого нашли себѣ отраженіе и въ историческихъ взглядахъ. Исторія, по мысли Толстого, есть по преимуществу выраженіе „бессознательной, общей, роевой жизни человѣчества“... Исходя изъ этой точки зрењія, Толстой приходитъ къ совершенно отрицательному взгляду на роль личности въ исторіи. Въ глазахъ Толстого „такъ называемые великие люди суть только ярлыки, дающіе наименованіе событиямъ“, — на самомъ же дѣлѣ они никакого вліянія на ходъ историческихъ событий не имѣютъ. Такъ, напр., совершенно ничтожной считаетъ Толстой роль Наполеона въ событияхъ, связанныхъ съ его именемъ. Отвергая роль личности въ исторіи вообще, онъ, въ частности, отвергаетъ и роль полководца въ ходѣ сраженія, старается показать, что всѣ его планы и распоряженія не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого значенія, такъ какъ они въ большинствѣ случаевъ даже не осуществляются на дѣлѣ,—а исходъ сраженія зависитъ исключительно отъ настроенія массъ, отъ общаго духа войска“. (Саводникъ).

Анна Каренина.

Содержание. Героиня романа—Анна Каренина Ѹдетъ въ Москву, чтобы уладить семейныя неурядицы въ домѣ своего брата, князя Стивы Облонского. Этотъ пріѣздъ оказывается для нея роковымъ; на одномъ балу она знакомится съ петербургскимъ офицеромъ, графомъ Алексѣемъ Вронскимъ, который влюбляется въ нее. До своего знакомства съ Карениной, Вронскій ухаживалъ за княжной Китти Щербаковой; онъ хотѣлъ даже сдѣлать ей предложеніе, но неожиданное знакомство съ Анной перевернуло всѣ его планы. Китти, полюбившая Вронскаго и ради него отказавшая любящему ее Левину, начинаетъ чахнуть отъ стыда и горя; по совѣту доктора ее отвозятъ за границу. Между тѣмъ Анна, возвратившася въ Петербургъ, сходится съ Вронскимъ. Ихъ связь становится извѣстной свѣту. Анна открывается во всемъ мужу; черезъ нѣкоторое время у нея рождается отъ Вронскаго дочь.—Послѣ родовъ Анна и Вронскій уѣзжаютъ за границу, скучившись тамъ. они возвращаются въ Россію и поселяются въ имѣніи Вронскаго. Послѣдній старается добиться у Каренина развода, но всѣ его попытки напрасны.—Уже за границей Анна начинаетъ сомнѣваться въ любви Вронскаго; теперь она все болѣе и болѣе убѣждается въ томъ, что Вронскій не любить ее по-прежнему, и, наконецъ, для того, чтобы чѣмъ-либо отомстить ему, она бросается подъ поѣздъ.—Чтобы заглушить свое горе, глубоко потрясенный Вронскій отправляется на турецкую войну.

Получивъ отказъ отъ Китти Щербаковой, Левинъ возвращается въ свое имѣніе и принимается за хозяйство, желая заглушить въ своемъ сердцѣ любовь.—Въ свое имѣніе, находящееся недалеко отъ имѣнія

Левина, пріѣзжаетъ съ дѣтьми на лѣто Дарья Александровна, жена Стивы Облонского, сестра Китти. Поправившаяся за границей Китти принимаетъ приглашеніе сестры и къ концу лѣта пріѣзжаетъ къ ней. Левинъ узнаетъ объ этомъ; но онъ чувствуетъ, что любовь къ Китти еще не заглушина въ немъ и, не желая понапрасну мучить себя, онъ не ѿздитъ въ Ергушово—имѣніе Дарьи Александровны.

Въ Москвѣ зимой, будучи приглашенъ на обѣдъ къ Облонскимъ, онъ въ первый разъ послѣ ихъ объясненія встрѣчается съ Китти. Эта встрѣча имѣеть для нихъ решающее значеніе. Левинъ дѣлаетъ Китти предложеніе и она принимаетъ его.—Обѣнчавшись въ Москвѣ, молодые уѣзжаютъ въ имѣніе Левина.

Жизнь ихъ течетъ спокойно и счастливо. Нѣсколько смущаетъ только, какъ Китти, такъ и самого Левина, невѣріе послѣдняго. Но, наконецъ, онъ находитъ разрешеніе мучащимъ его „проклятымъ вопросамъ“; онъ успокаивается и вмѣстѣ съ женой отдается заботамъ по воспитанію своихъ дѣтей.

Анна Кафенина—натура исключительная. Она вся отдается своей любви. Это любовь „не съеживающаяся подъ вліяніемъ „долга“ или скрывающаяся за монастырскія стѣны, а грозная, мстительная, не прощающая своего поруганія...“

Толстой превосходно изобразилъ намъ всю исторію такой любви. Анна подъ вліяніемъ любви совершенно отстранилась отъ общества, отъ жизни, заключила всю себя въ одно только это чувство и ревниво его стерегла. Она пожертвовала для Вронского всѣмъ: семьей, сыномъ, своимъ положеніемъ, покоемъ. Но взамѣнъ этого и отъ него потребовала всего. Она ревновала его не только къ людямъ, его окружающимъ, но и къ службѣ, занятіямъ, прежнимъ привязанностямъ, интересамъ и самой жизни. Она требовала, чтобы Вронскій

всесъло былъ поглощенъ отвѣтной къ ней любовью. „Для нея весь онъ со всѣми его привычками, мыслями, желаніями былъ одно—любовь, и эта любовь, по ея чувству, должна быть вся сосредоточена на ней одной.

Любовь эта уменьшилась; слѣдовательно, по ея разсужденію, онъ долженъ былъ часть любви перенести на другихъ или на другую женщину, и она ревновала“. Конецъ извѣстенъ: „Миъ отмщеніе и азъ воздамъ“. (Николай Трубицынъ).

Остановимся далѣе на фігурѣ *Левина*, такъ какъ она представляетъ значительный интересъ для пониманія самого Толстого. Въ исkanіяхъ Левина отразилась внутренняя жизнь самого Толстого за цѣлый рядъ лѣтъ.

Левинъ—натура глубокая и при томъ какая-то особыенная, не подходящая подъ какую-нибудь общую мѣрку. Онъ стремится выработать себѣ извѣстное міросозерцаніе, стремится найти разрѣшеніе вопросамъ: кто онъ, зачѣмъ онъ живеть, что онъ долженъ дѣлать и т. д.

Міропониманіе большинства людей не можетъ его удовлетворить; наука, філософія—Левинъ хорошо знакомъ съ філософской литературой—также не могутъ оказать ему существенной помощи.—Наконецъ, его поражаетъ замѣчаніе знакомаго крестьянина о томъ, что нужно жить для Бога, для души. На этомъ догматическомъ религіозномъ положеніи Левинъ пока и основываетъ свое міросозерцаніе.—Къ чemu привела дальнѣйшая внутренняя работа Левина - Толстого, объ этомъ въ романѣ не говорится.

Вронскій—блестящій офицеръ—является въ романѣ представителемъ наиболѣе чистаго аристократизма. Какъ человѣкъ, онъ очень симпатиченъ; въ немъ много хорошихъ сторонъ—много мягкости, искрен-

ности. Все это вызываетъ въ читателъ невольное сочувствіе къ нему.— Въ образѣ *Каренина* Толстой хотѣлъ изобразить типъ русскаго государственнаго дѣятеля-бюрократа.

Каренинъ надѣленъ множествомъ добродѣтелей, но тѣмъ не менѣе читатель относится къ нему холодно, даже враждебно.

Власть тьмы.

„Власть тьмы“ это одно изъ немногихъ драматическихъ произведеній Толстого. Содержаніе его взято изъ народнаго быта.

Богатый мужикъ Петръ не будучи по своей болѣзниности въ состояніи справиться одинъ съ хозяйствомъ, панимаетъ себѣ въ работники изъ сосѣдней деревни мужика Никиту.

Семья Петра состоитъ изъ его жены, молодой красивой щеголихи Анисьи, иль десятилѣтней дочери Алютки и его шестнадцатилѣтней дочери отъ перваго брака—глуховатой и придуроватой Акулины.

Анисья влюбляется въ Никиту, молодого и красиваго парня, и сходится съ нимъ. Отецъ Никиты старикъ Лекимъ, приходитъ къ Петру, желая взять сына на время домой, чтобы женить его на обольщенной и покинутой имъ дѣвушкѣ Маринѣ; онъ приходитъ вмѣстѣ со своей женой Матреной, корыстной и безсердечной бабой, которая знаетъ о связи своего сына съ хозяйкой. Желая помочь имъ она предлагаетъ Анисьи взять у нея сонныхъ и „лекарственныхъ“ порошковъ, чтобы освободиться отъ мужа.

Никита, поклявшися отцу въ томъ, что онъ не соблазняль Марину, остается работникомъ у Петра.

Анисья пользуется порошками Матрены: она всыпаетъ ихъ мужу въ чай и тотъ черезъ нѣсколько вре-

мени умираетъ. Его деньги Анисья успѣваетъ взять и схоронить до прихода родни. Послѣ смерти Петра она выходитъ замужъ за Никиту, но жизнь ихъ слагается несчастливо: Никита, узнавъ отъ матери, что Анисья отравила мужа, охладѣваетъ къ ней; онъ входитъ въ связь съ Акулиной.

Такъ какъ послѣдняя считается богатой невѣстой, то къ ней засылаютъ сватовъ. Въ самый день смотрины она рожаетъ ребенка; чтобы скрыть слѣды своего грѣха, она, по настоянію Анисы и Матрены, рѣшается задушить ребенка и закопать его въ погребъ. Исполненіе этого плана достается на долю Никиты. Онъ выкапываетъ яму въ погребѣ, кладеть туда живого ребенка, покрываетъ его доской и давить.

Съ тѣхъ поръ плачъ ребенка и хрустѣніе костей постоянно преслѣдуютъ его.

Наконецъ наступаетъ день свадьбы Акулины; гости собрались въ избѣ Никиты и ждутъ его для благословенія молодыхъ передъ отъездомъ въ церковь. Никита, не въ состояніи даже виномъ заглушить голосъ своей совѣсти; онъ хочетъ повѣситься, но ему мѣшаютъ жена и мать, пришедшия звать его въ избу: онъ слѣдуетъ за ними.

Придя въ избу, онъ вмѣсто того чтобы благословить молодыхъ, становится на колѣни и начинаетъ каяться въ совершенномъ преступленіи, при чемъ беретъ на себя вину въ отравленіи Петра.

Урядникъ, присутствующій на свадьбѣ составляетъ протоколъ и арестуетъ Никиту.

Никита красивый, добродушный парень. Онъ пользуется успѣхомъ среди деревенскихъ девушки и бабъ, и самъ не прочь поволочиться за ними. Къ правиламъ морального порядка онъ относится равнодушно; тѣмъ не менѣе въ душѣ онъ довольно добрый человѣкъ, неспособный дѣлать зло; онъ охладѣваетъ къ Анисьѣ,

узнавъ, что она отравила Петра. Никиту губить его безхарактерность, особенно замѣтная въ той сценѣ, гдѣ онъ убиваетъ своего ребенка, несмотря на то, что это доставляетъ ему сильныя нравственныя муки.

Аниссѧ—еще молодая красивая баба. Она вся во власти своихъ чувствъ—подъ вліяніемъ чувства она идетъ даже на преступление. Но все же въ ней не заснула совѣсть, какъ въ матери Никиты—*Матренѣ* послѣднія изъ-за материальныхъ выгодъ не стѣсняется толкнуть Аниссю на преступленіе, не задумывается послать своего сына убить собственного ребенка.

Полную противоположность Матренѣ представляетъ ея мужъ—старикъ *Аллишъ*. Это одна изъ тѣхъ, нерѣдко встрѣчающихся въ народной средѣ, личностей, которыя поражаютъ настъ своей нравственной высотой, „въ высшей степени цѣльная, духовная, не затронутая ничѣмъ пошлымъ, натура“. У него на первомъ планѣ соображенія нравственного характера—онъ увѣренъ, что отъ Бога нельзя скрыть ничего, онъ не дѣлаетъ зла, не говоритъ неправды.

Художественность творчества Толстого.

Толстой—художникъ-реалистъ и при томъ реалистъ крайній; онъ строго придерживается реальной правдивости, ни пожертвуетъ ни одной чертой, ни одиою краской въ ущербъ ей. Возьмемъ для примѣра образъ Наташи изъ романа „Война и миръ“. Толстой не остановился передъ тѣмъ, чтобы заставить свою героиню продѣлать романъ съ Анатолемъ Курагинымъ: это можетъ быть „испортило“ образъ Наташи, который въ противномъ случаѣ могъ бы выйти высоко идеальнымъ, но этого требовала реальная правдивость художника, не желавшаго преувеличивать ни темпераціи, ни свѣтотеней сторонъ своихъ герояевъ.

Толстой реалистъ-психологъ. Съ поразительнымъ мастерствомъ рисуетъ онъ различные душевныя состоянія и перемѣны своихъ героеvъ, прослѣживаетъ зарожденіе и постепенное развитіе мыслей и чувствъ; анализъ его доходитъ порой даже до ненужной напряженности. Въ этомъ сказывается одна изъ особенностей его творчества—любовь къ употребленію, повторенію чертъ, сгущенію красокъ. Всъ душевныя движения, какъ важныя, такъ и самыя незначительныя, случайныя, Толстой передаетъ съ замѣчательно привѣтствиемъ.

Толстой—художникъ крайне субъективный, въ томъ смыслѣ, что въ лицахъ большинства своихъ героеvъ, онъ изображаетъ самого себя въ извѣстный періодъ своей жизни. Цѣльный рядъ героеvъ Толстого—Иртеньевъ. Нехлюдовъ, Оленинъ, Левинъ и т. д.—это онъ самъ. Несмотря на субъективность творчества Толстого, онъ рѣдко говоритъ отъ своего лица—онъ склоненъ объективировать свои чувства, переносить ихъ на созданныхъ или дѣйствующихъ лицахъ.

Толстой является однимъ изъ величайшихъ художниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и глубокій мыслитель, развившій свои мысли, высказанные въ рядѣ сочиненій. въ цѣломъ „ученіе“.

Ученіе Толстого.

Въ чёмъ же состоитъ „ученіе“ Толстого?

„Ученіе“ Толстого, распространенное имъ въ 80-е годы, было и послѣднимъ словомъ праваго народничества и проповѣдью самосовершенствованія, аскетизма праведности.

Еще глубже въ себя ушелъ человѣкъ, еще дальше отъ „неотложныхъ задачъ русского прогресса“, продиктованныхъ эпохой 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Толстой всѣмъ ищущимъ и мятущимся указалъ „путь спасенія“. Это не новый путь, частью уже извѣданный раньше. Толстой требовалъ только, чтобы, вступивъ на него, люди шли до конца. Толстой звалъ въ народъ, въ массу, звалъ къ мужику, проповѣдавъ о прощеніе, отказъ отъ всѣхъ удобствъ и цѣлей материальной культуры, занятіе единственно чистымъ и праведнымъ земледѣльческимъ трудомъ. Опять передъ нами кличъ „въ народъ“, опять прощеніе, но уже безъ компромиссовъ, безъ уклоненій въ сторону, безъ какихъ бы то ни было революціонныхъ и политическихъ цѣлей. Цѣль одна—достиженіе чистой праведной жизни, примиреніе съ совѣстью, со всѣмъ естественнымъ и съ природой, отъ которой такъ далеко ушелъ культурный человѣкъ.

Культура, т. е. расширеніе власти человѣка надъ природой, замѣна естественнаго искусственнымъ, ростъ потребностей, еще разъ подверглась отрицанію, какъ противорѣчащая нравственному сознанію человѣка.

Во всемъ этомъ, лично для Толстого проблема совѣсти стояла, несомнѣнно, на первомъ планѣ. Сначала онъ думалъ о себѣ. Задача обновить всѣхъ людей, обновить жизнь всего человѣчества по опростительной русской программѣ явилась позже.

Въ концѣ 70-хъ годовъ, т. е., приближаясь къ 50-лѣтнему возрасту, Толстой, подъ вліяніемъ наступавшей старости, охваченный ужасомъ смерти, задалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ онъ жилъ, что онъ сдѣлалъ?— и увидѣлъ себя вынужденнымъ отвѣтить, что жилъ онъ отчасти для процесса жизни, главнымъ образомъ для славы и самоудовлетворенія, и что сдѣлалъ онъ хотя и много такого, за что его хвалили люди и платили болѣшія деньги, но, въ сущности, все сдѣланное имъ или иенужно, или вредно.

Вопросъ о смыслѣ и праведности личной своей жизни перешелъ или выросъ въ вопросъ о смыслѣ человѣческой жизни вообще и о томъ, какъ сдѣлать ее согласной съ природой и совѣстью. Со своими сомнѣніями онъ обратится къ наукѣ, но скоро увидѣлъ, что она не можетъ ни въ чемъ помочь ему, потому что „это не ея дѣло“. Онъ взялся за Евангелие, но и оно удовлетворило его не вполнѣ. Онъ понялъ, что повѣрить въ Христа-Бога, въ Евангелие, какъ божественное откровеніе, онъ не можетъ. Онъ извлекъ изъ него лишь нравственное ученіе съ основнымъ догматомъ непротивленія злу и требованіемъ любви къ ближнему, и на время, по крайней мѣрѣ, почувствовалъ, что владѣеть чѣмъ-то несомнѣннымъ.

Но это былъ лишь остовъ ученія. Въ подробностяхъ его развитія, въ его дальнѣйшихъ формулахъ воплотился весь жизненный опытъ Толстого, его натура и нѣчто еще большее—опростительная тенденція русского барства. Въ источникѣ стонть голосъ кающейся совѣсти и не только недовѣріе къ Западу, но и рѣшительное признаніе, что путь западно-европейскаго развитія, путь культуры и техники, науки и раціонализма безусловно ложенъ.

Въ ученіи Толстого возродились многія излюбленныя мысли славянофиловъ, напр., о превосходствѣ интуиціи и художественного воспріятія надъ пониманіемъ, необходимости не только подчинить политику нравственности, но и совершенно упразднить политическую жизнь, о крестьянской жизни, какъ образѣ для всѣхъ.

Словомъ, это нѣчто большое. Это дѣйствительный итогъ нашей „борьбы съ Западомъ“, нашего народничества и жажды опрошенія.—(Андреевичъ).